

КРАСНЫЕ КАЗАКИ

— Запевали, вперед!

— Григорий Сиротин, казак Горчаковской станицы, вышвырнул саблею рыскающего коня, поправил шапку и на рыск выскочил вперед. Обернувшись на миг и оглядев строй, он красным баритомом затянул:

«И-а за лесу слышен топот чей?
Вышла вкруг казаков сотня лихачей.
Вперед командир наш молодой,
Он велит казаков сотню за собой...»

И еще не успела растаять в воздухе эти слова, как весь строй дружно подхватил:

«Вы казаки, вы казаки, лихачи,— гремела песня, —

Шапки в руки, да за шивой скачи. Э-эх!
За мной, братья, не робей, не робей,
На позиции поспешит нам поскорей!»

И впрямь казалось, что это едет та сотня лихачей, о которой поется в песне...

Казак ехал с занятием. Только что Сиротин джигитовал на своем рыскавшем красавце. Сивя шапку, он пустил коня карьером, а сам с пологого рыска вскакивал на седло то с правой, то с левой стороны. Бывалые казаки, сами лихие джигиты, не удержались от аплодисментов своему смелому товарищу. Григорий Сиротин, польщенный вниманием, заулыбался и, вытаращив платком пот со лба, сказал:

— Это меня батька научил, спасибо ему. Восемьдесят лет, а сам, как на коня садет,— словно пятьдесят лет долод. Лучшее молодого джигитует!

Григорий Сиротин ласково поглаживал коня по холмистой гриве и, дав ему немного передохнуть, поехал на рубку.

На хорошо утоптанном ипподроме, на одинаковом расстоянии друг от друга, стоял негаснущий огонь.

Сиротин обхватывал шапку, крепко сжимает эфес и, чуть прищипив коня, легко подлетает вперед. Будь конь летит, стальная шапка описывает круг, и одна за другой, выдрагивая, валится наземь срубленные наискось половики лозы.

На полном скаку Сиротин делает шапкой укол, лодку снимает кольцом, рубит ганжу, а потом, вдев шапку в ножины и не давая коню замедлить шаг, мчится на преодоление препятствия. Конь молниеносно перепрыгнул через «клиншил», преодолев скакательный вал забор, перемаял «тробу», промчался через «трюйнок» и «шпармаду». Взято последнее препятствие, казак чуть сдерживает поводящие разговорного коня...

День казак начинается рано. Уже в пять часов горнист сыграл звучную «эсоро» и товарищи Хакимов, Сальников, Харламов, Васильченко поспешили на конюшню. Три раза в день чистят коней, и каждый раз с одинаковым прилежанием. Срединца шетка, сушюка так и мелькает в руках... Посмотрев на Харламова, Хакимова, Васильченко, — они словно братья родные. Все широкоплечие, загороженные, ловкие.

Конюшня, где стоят казачьи кони, сверкает чистотой. На стене плакат: «Казак, страна дала тебе коня, береги его и готовь к войне». И казак крепко помнит об этом.

Казак Николай Павлов прославился любовью к голубой с своим конем «Ося». Тело коня блестящее, на нем ни пылинки, грива зачесана, копыта вымыты. Павлов рассказывает, что он с семи лет приучен к верховой езде.

Казак-осетин Виктор Загалов вспоминает традиционные джигитские праздники «схор-хурт». На этих праздниках жители его родной станицы Черноярской все — от мала до велика — выежают на выгон верхом, и какой-нибудь молодец на ахуадоме в виду но выносливом и быстром коне выделяет такие номера, от которых дух захватывает.

Но не только с конем дружат казак-боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

«Однажды к одному из бойцов чатыя приехал на лошадку старик-отец, усталый империалистической войны. Молодые казаки охотно слушали его рассказы. Старик был словоохотлив и рассказывал то, что было и чего не было. Решил он прикрасить и знаменитой историей, что сразу прокомментировала пять человек. Тут молодежь не выдержала и очень осторожно прервала старика:

— Митрофан Павлович, а позволите у вас спросить, как в ту пору стрелили казаки, ну, скажем, из пулемотов или орудий?

Старик на миг замолчал и вновь повел разговор об острой шапке и колочей иже. Бойцы недаром задали старика эту «кехидный» вопрос: красный казак в большой дружбе с техникой.

Казак Александр Грибовал выбивает 30 из 30 на расстоянии 300 метров, а так, как он, стреляют очень многие. В расписание введены, кроме стрелковых часов, ежедневные тридцатиминутные стрелковые тренировки у оргосона, динфарма и других приборов. Учатся стрелять с коня — с хода и на месте, соревнуются друг с другом на лучший бросок гранаты...

Иван Харламов — большой мастер шетка и гранаты. Однажды он с винтовкой в одной руке и двумя гранатами в другой проделал следующее: забросил гранаты в окоп (дистанция 35 метров), потом сразу же перепрыгнул через ров, встал винтовку к бою и стал наносить укол передвигавшим станком. Не хуже будет действовать Харламов и в настоящей боевой обстановке — от его пули и шетка враг не уйдет.

Боевая подготовка красного казака неразрывно связана с его политическим воспитанием. В лекционной комнате вы прочтете ясно и убедительно составленную стеновую газету. В ней бойцы делятся своими думами, передовики учебы — оныто, командиры рассказывают молодежи о священных традициях красной конюшни, ее славных делах и подвигах... Тут же в лекционной комнате, у огромных географических карт Советского Союза, казак оживленно обсуждает близкое будущее нашей родины, с какой великой силой обрисованное в плане третьей пятилетки. Вспоминают Дон, Кубань, Кавказ... Потомом долут письма из родных мест: пишут родители, казаки-подруженки, товарищи и друзья... Некоторые из этих писем читают на политехвальных.

Кто, как не казак, мастера веселья? Чуть свободная минута — и уже заливается гармонь.

— Синеельникова, Синеельникова проси! Расступается круг. Гармонист берет певчие тона пляски Шапшия. Синеельников, заткнув за кавказский пояс край черески, шапчано выступает на середину, несколько легких движений — и вот уже он завертелся в бешеном ритме.

— Bravo, Синеельников!..

Плясус с удвоенной энергией мчится по кругу, заставляя гармониста все ускорять и ускорять темп...

Казак Хакимов 200 километров проехал на своей «Оленке», а вернувшись, прыгнул с седла свеж и бодр и пустился в пляс.

В почете и песни. Запевала Сиротт'ч привез в родной станице песни о Сталине, о хасановских боях, о молодых казачках. Совербует пять тапих, как Сиротин, — вот и хор... С песней едут на тренировку, с песней возвращаются. И с боевой песней, когда наступит грозная минута, помчатся в бой...

Ехали казаки, ехали казаки — статные, быстрые, смелые.

Ехали казаки, блестили выколпенные тела коней, свиркали ула винтовок, горели золотом рукоятки шпешек...

Ехали казаки — к боям, к победам готовые!

Ер. САДОВСКИЙ

Белорусская ССР.

Н-ская кавалерийская часть.

СМЕНА

Литературно художественный
и общественно-политический
иллюстрированный журнал ЦК и МК ВЛКСМ
Год издания XVI № 9 сентябрь 1939 г.

В НОМЕРЕ:

Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 17 сентября 1939 г.

Nota правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года.

Nota правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 года послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР.

Е. САДОВСКИЙ — Красные казаки (очерк).

МЕЛИХО ЦАРАЕВ — Заметки депутата.

А. ЛЕБЕДЕВ — Стране родной (стихи).

Л. УСПЕНСКИЙ — Копорский замок (отрывок из романа).

В. СУХАРЕВИЧ — Свирель (рассказ).

ЭПОС АРМЯНСКОГО НАРОДА — Юные богатыри Санасар и Багдасар строят крепость Сасун. Перевод К. Липскерова.

ИВ. МЕНЬШИНКОВ — Солнце из-за далеких гор (рассказ).

В. ВИКТОРОВ — Море — учитель (очерк).

С. АНДРЕЕВ-КРИВИЧ — В старой Индии (очерк).

ПАВЕЛ ПАНЧЕНКО — Разговор с Чапаевым (стихи).

Е. ВОРОБЬЕВ — Страна-лаборатория (очерк).

ГИМНЫ РЕВОЛЮЦИИ: АНАТОЛИЙ ВИНОГРАДОВ — «Марсельеза»; И. АРЕНБЕРГ — «Интернационал».

МИХ. ВАСИЛЬЕВ — «Я свидетельствую» (рецензия).

И-ФУ — Героические эпизоды.

М. ГОЛЬДБЕРГ — Воспитание чувства (очерк).

ЕБЕСЕДИ С. ЧИТАТЕЛЕМ: Проф. В. ФРИД-МАН — Теплога.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ: Основание I Интернационала; А. Н. Раицев.

Шахматы.

Рисунки художников: Б. Маркичева, И. Гришштейн, Б. Месропян, И. Трапезникова.

Фото: И. Шакина, И. Гуциня, М. Райтмана.

На обложке: Комсомолец-танкист, фото И. Шакина; на обороте обложки: На рейде, фото М. Прехнера.

Великий китайский народ ведет самоотверженную борьбу против японских захватчиков. Молодежь Китая проявляет чудеса храбрости и героизма. Много талантливых молодых командиров выдвинулось во время войны. О молодых летчиках китайской авиации с восхищением говорят во всем мире. Памятны события под Цзянь-Ином. Несколько китайских летчиков посадили свои машины, нагруженные бомбами, на японские корабли. Отважные сыны народа ценой своей жизни уничтожили шесть военных кораблей неприятеля.

В 4-й и 8-й народно-революционных армиях Китая созданы специальные молодежные отряды. Они выполняют наиболее сложные и ответственные задания во время боя. Отряды молодых бойцов соревнуются на лучшую боевую и политическую подготовку. Вот некоторые лозунги о задачах соревнования: «Не падай духом при тяжелом ранении и не уходи с поля боя при легком», «Не отступай без приказа, стремись захватить пленных и оружие». 19-летний командир отделения одной из частей 8-й армии Джюа Кион-куэй во время боя был ранен в голову. Но он не покинул боевого поста и не ушел с линии огня. Второй раз был ранен Джюа Кион-куэй, но продолжал командовать своим отделением до конца боя.

Китайский народ, ведущий справедливую, национально-освободительную войну против японских самураев, непобедим. Симпатии народов всего мира на стороне героически борющегося китайского народа. Праздника 25-й Международной юнишеской день, молодежь Советского Союза ставит гордый привет славы китайской молодежи, плечом к плечу со своими старшими братьями сражающейся против врагов своей родины.

На снимке: младший командир китайской армии в маскировочном костюме.

Председатель Совета народных комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ МОЛОТОВ

РЕЧЬ ПО РАДИО ПРЕДСЕДТЕЛЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР тов. В. М. МОЛОТОВА

17 сентября 1939 г.

Товарищи! Граждане и граждане нашей великой страны!

События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную неадекватность польского государства. Польские правящие круги обанкротились. Все это произошло за самый короткий срок.

Прошло каких-нибудь две недели, а Польша уже потеряла все свои промышленные центры, потеряла большую часть крупных городов и культурных центров. Нет больше и Варшавы, как столицы польского государства. Никто не знает о местонахождении польского правительства. Население Польши брошено его неадекватными руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договоры прекратили свое действие.

В Польше создается положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Польша стала удобной почвой для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создающемуся положению.

От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и ранее находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям — украинцам и братьям — белорусам, населяющим Польшу.

Ввиду этого этого правительство СССР звучало сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявляю, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белорусии.

Советское правительство заявляло также в этой ноте, что одновременно оно намерено принять все меры к тому, чтобы вызвать польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями и дать ему возможность жить мирной жизнью. В первых часах сентября, когда проводился честный призыв запасных в Красную армию на Украине, в Белорусии и еще в четырех военных округах, положение в Польше было не ясным и этот призыв прервался, как мера предосторожности. Никто не мог думать, что польское государство обнаружит такое бессилие и такой быстрый раз-

вал, какой теперь уже имеет место во всей Польше. Поскольку, однако, этот развал начался, а польские деятели полностью обанкротились и не способны изменить положение в Польше, наша Красная армия, получив крупное пополнение по последнему призыву запасных, должна с честью выдержать поставленную перед ней почетную задачу.

Правительство выражает твердую уверенность, что наша Рабоче-Крестьянская Красная армия покажет и на этот раз свою боевую мощь, сознательность и дисциплину, что выполнение своей великой общественной задачи она покроет новыми подвигами, героизмом и славой. Вместе с тем, Советское правительство, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, и при этом заявляю, что Советский Союз будет проводить политику нейтралитета в отношении всех этих стран.

Этим определяются наши последние мероприятия по линии внешней политики.

Правительство обращается также к гражданам Советского Союза со следующим размышлением. В связи с призывом запасных среди наших граждан наметилось стремление выполнить большие продовольственные и другие работы из опасения, что будет введена карточная система в области снабжения. Правительство считает нужным заявить, что оно не намерено вводить карточной системы на продукты и промтовары, даже, если вызванные внешними событиями государственные меры затнутся на некоторое время. Боюсь, что от чрезмерных закупок продовольствия и товаров пострадают лишь те, кто будет этим заниматься и накопить ненужные запасы, подвергая опасности морчи. Наша страна обеспечена всеми необходимыми и может обойтись без карточной системы и снабжения.

Наша задача теперь, задача каждого рабочего и крестьянина, задача каждого служащего и интеллигента, состоит в том, чтобы честно и самоотверженно трудиться на своем посту и тем оказать помощь Красной армии.

Что касается бойцов нашей славной Красной армии, то я не сомневаюсь, что они выполнят свой долг перед родиной — с честью и со славой.

Народы Советского Союза, все граждане и граждане нашей страны, бойцы Красной армии и военно-морского флота сплочены, как никогда, вокруг Советского правительства, вокруг нашей большевистской партии, вокруг своего великого вождя, вождя мудрого тов. Сталина, для новых и еще невиданных успехов труда в промышленности и в колхозах, для новых славных побед Красной армии на боевых фронтах.

НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР, ВРУЧЕННАЯ ПОЛЬСКОМУ ПОСЛУ В МОСКВЕ УТРОМ 17 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА.

Господин посол,

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобную почву для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на

территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белорусии.

Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызвать польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями и дать ему возможность жить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР
В. МОЛОТОВ.

Чрезвычайному и полномочному послу Польши
г. Гржибовскому
Польское посольство
Москва.

НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР, ВРУЧЕННАЯ УТРОМ 17 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА ПОСЛАМ И ПОСЛАННИКАМ ГОСУДАРСТВ, ИМЕЮЩИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С СССР.

Господин Посол

Препрождаю Вам прилагаемую при сем ноте Правительства СССР от 17 сентября с. г. на имя польского посла в Москве, явную честь перепоручено Правительству заявить Вам, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношениях между СССР и (наименование страны) *.

Примите, Господин Посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел Союза ССР
В. МОЛОТОВ.

17 сентября 1939 г.

* Этот текст направлен дипломатическим представителям Германии, Италии, Японии, Великобритании, Франции, Аргентины, США, Турции, Финляндии, Болгарии, Латвии, Монгольской Народной Республики, Дании, Эстонии, Швеции, Греции, Восточной Румынии, Аустрии, Польши, Чехословакии, Литвы, Норвегии, Венгрии.

Заметки депутата

МЕЛИХО ЦАРАЕВ.

депутат Верховного Совета СССР, орденнозвездник

Обособи, ни с чем не сравнимое чувство волнения испытывает депутат, когда идет на первое заседание социалистического парламента. Обычно еще задолго до начала работ сессии Верховного Совета СССР в фойе, на лестницах многолюдно. Тут и там раздаются веселые охлки, встречаются старые друзья, селихались на разных уголках страны. И нет конца разговорам, воспоминаниям...

В фойе я встретил лицом к лицу столкунку с Али Гунчиовым — моим старым, сердечным другом. Мы крепко обнялись и, торопясь, стали рассказывать друг другу последние новости. Несколько лет назад, когда мы оба были колхозными бригадирями, наши комсомольские бригады соревновались между собой. Это соревнование сдружило и сблизило нас. Мы часто навещали друг друга. Теперь Али Гунчиов служит в частях Красной Армии. Я живу в Москве, учусь во Всесоюзной академии социалемеленя имени Тимирязева. Встречаемся только во время работ социалистического парламента. Вот почему мы так рады каждому часу, проведенному вместе, так нетерпеливо расстраиваемся о переменах, которые происходят в жизни каждого из нас. Али Гунчиов возмужал, стал крепче, нире в плечодок. Сулейбой высказал я ему свои наблюдения. Он в свою очередь нашел кое-какие перемены и в моей внешности. С Али Гунчиовым мы уже не расставались. Рядом сидели на заседаниях, слушали доклады, речи, перерывах ходили по улицам города, обсуждая с волнением исторические документы, поставленные правительством на обсуждение вночерней четвертой сессии Верховного Совета СССР.

* * *

Едва в зале утих гом аплодисментов, которыми депутаты встретили руководителю партии и правительства, едва стих вихрь оваций и радостных возгласов в честь товарища Сталина, как на трибуну взомел народный комиссар финансов СССР тов. Зверев. Коротко и деловито он сообщил депутатам о сути проекта закона о сельскохозяйственном налоге.

Слушая этот доклад, я думал о том, какие замечательные, поистине сказочные перемены произошли в жизни советского крестьянства. Я вспоминал свой родной аид, вспоминал все колхозы, которые мне приходилось видеть во время работы в Наркомате земеледелия Север-Осетинской автономной республики. Жизнь в деревне стала богаче, культурнее. Достаточно пройти по навиловым и опытным участкам Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, чтобы убедиться в мучимом расцвете колхозного дела. Этот закон и вызван теми новшми, что появились в деревне. Он вносит существенные изменения в налоговое законодательство. Раньше не учитывались действительная доходность крестьянского хозяйства. Были установлены твердые ставки: от 10 до 50 рублей с хозяйства. Такой налог занимал вне зависимости от дохода, который получал колхозник от личного хозяйства.

Это поощряло мелкобуржуазные настроения, способствовало раздуванию личного хозяйства в ущерб общественному, колхозному. Раньше было так: кто тот, кто отпаивал от колхозной работы, а все свое время отдавал своему личному хозяйству, облагался налогом так же, как и передовой колхозник, стахановец. Новый закон устраняет эту несправедливость. По этому закону, доходы колхозников, полученные от трудовой, вовсе не облагаются, а доходы, полученные от личного, подсобного хозяйства или от кустарно-ремесленной промышленности, будут облагаться по твердым ставкам, в зависимости от размеров дохода, от 5 до 13 процентов. Следовательно, чем больше личного дохода от подсобного хозяйства, тем выше налог. Каждому ясно, что новый закон способствует укреплению трудовой дисциплины в колхозах, повышает заинтересованность каждого честного труженика деревни в развитии колхозного дела. Закон продвигает вперед стахановскую заботу о колхозах, заботу о жизни в деревне стала еще богаче, культурнее. Закон ставит колхозников в преимущественное положение по сравнению с единоличниками. Единоличники будут платить налог по повышенной прогрессивной шкале ставок.

С большим подъемом обсуждали депутаты Верховного Совета проект закона о сельхозналоге. Каждый оратор подчеркивал, что закон удачно сочетает интересы колхозников с интересами нашего социалистического государства. Ибраиники народа единогласно утвердили предложенный правительством закон о сельхозналоге.

Надо ли говорить о том, с каким нетерпением мы ожидали доклада любимого полководца советского народа, маршала Советского Союза товарища Ворошилова. Этот день (31 августа) был вообще самым значительным, можно сказать, историческим днем в деятельности социалистического парламента. Настроение у всех было приподнятое. Каждый депутат чувствовал серьезность и ответственность момента. Вот на трибуну появилась товарищ Ворошилов. Все встали с мест, приветственные возгласы, крики «ура», аплодисменты — все слилось в один радостный гуд. Мы с Али Гунчиовым стояли рядом. Я посмотрел на него: его глаза блестяли. С лица не сходилась улыбка... Несколько раз председательствующий пытался звонком успокоить зал. Нахмурил, стало тихо.

После речи приступает к изложению законопроекта о всеобщей воинской обязанности.

В интересном, содержательном докладе товарища Ворошилова, как в калле воды, открывались большие перемены, которые происходят в жизни страны — передовой индустриальной державы мира. Красная Армия теперь не та что раньше, она оснащена теперь лучшей, современной техникой. Докладчик назвал цифры роста боеиспособности армии. Цифры замечательные!

За последние девять лет у нас стало танков больше в 43 раза! Самолетов увеличилось в 6,5 раз, артиллерия — тяжелой, средней и легкой — почти в 7 раз, мелкозенитной, противотанковой и танковой артиллерии мы имеем больше в 70 раз. Пулеметов ручных и станковых — в 5,5 раза. На каждого бойца наша армия имеет 13 механических лошадиных сил. Крепнет флот. Он вырос на 130 процентов. И это все за 9 лет!

И Али Гунчиов и я подробно записали в блокнот поразительные данные, приведенные докладчиком...

Строилом логично развалал товарищ Ворошилов тезисы законопроекта.

Наша страна — единственное в мире социалистическое государство — находится в капиталистическом окружении. Поэтому мы должны быть всегда в состоянии мобилизационной готовности. Новый закон поднимает на новую ступень вооруженные силы нашей страны, усиливает боевую готовность народа. Причиной возврата в СССР воинства на один год, а для тех, кто имеет полное среднее образование, — на два года. Техника современной армии с каждым годом движется вперед. Для того чтобы эту технику освоить, нужно больше времени находиться в армии. Вот почему срок действительной службы для младших командиров сухопутных войск и частей военно-воздушных сил и для всего рядового состава частей военно-воздушных сил, младших командиров внутренних войск, для рядовых и младших командиров сухопутных пограничных войск увеличивается с двух до трех лет.

На десять лет увеличивается срок состояния на военном учете. Женщины смогут наравне с мужчинами защищать родину. В военное время, если будет нужно, в армию и флот могут быть приняты для несения вспомогательной и специальной службы женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную и техническую подготовку.

Будут обучаться военному делу школьники. Для учеников средних школ начиная с 5-го по 7-й класс вводятся начальные военные подготовки. Ученики 8-го, 9-го и 10-го классов будут проходить допризывную подготовку.

Танков в самых сжатых чертах новый закон о всеобщей воинской обязанности. Депутаты с огромным вниманием слушали выступление маршала обороны. Каждому из нас были понятны причины, которые побудили правительство предложить вниманию сессии законопроект. Прейтний закон устарел, он отражал вчерашний день. Новый закон отвечает настоятельным требованиям армии, новый закон, учитывая международную обстановку, направлен к укреплению мощи и боеиспособности армии и флота.

Ваша страна любит армию, любит военное дело. С такой огромной охотой идет молодежь на военную службу! В какой праздничной, приподнятой обстановке проходил у нас прием! Мы стоим за мир, но мы умеем носить и любим воевать. Разве забыта у озера Хасан в прошлом году, а затем

события у озера Бур-Нур в нынешнем году не покидали всему миру мужество и отвагу красных бойцов? Мы умеем воевать... Долго еще самурай будут помнить силу советского оружия...

Слушая товарища Ворошилова, я вольновольно огляивался зал. Как много здесь людей знакомых воинского различия, сколько пропавших героев! Нет в нашей стране более уважаемых профессий чем профессии летчика, танкиста, артиллериста. Нет никакого сомнения в том, что с радостью и гордостью встретит молодежь новых законов о всеобщей воинской обязанности, закон, который каждому советскому юноше доверит почетное звание красного воина.

Дождь окончился. Слово зал Агит и пропаганды. Мы выходим из трибуны в зал и здесь под впечатлением всего услышанного с волнением делимся своими мыслями... Али вынимает из кармана блокнот, быстро перебирает листки и почти нарывается на произнесение нас цифры: «Танков... ты понимаешь, танков у нас сейчас в 43 раза больше...»

«Я все знаю, я записываю», — перебивают и с улыбкой приходят.

Но ему трудно успокоиться. Он вновь берет блокнот. «Вот это техника!» — повторяет он восторженно.

Я всегда гордился своим товарищем, но в эту минуту он мне показался особенно близким. Депутат Верховного Совета СССР Красноармеец Али Гунгов выказал те же чувства, которые испытывал и Советский патриотизм — вот какими словами можно определить это сродняющее нас мужское чувство.

Глубокая, преданная любовь к родине, к партии Ленина — Сталина, мудро ведущей страну к коммунизму, — неотъемлемая черта советской молодежи. Патриотизм молодежи, ее готовность с оружием в руках защищать отечину основаны на прочном фундаменте. Этот фундамент — наша жизнь, светлая, счастливая, радостная, свободная от ужасов капитализма. Мы хозяева своей жизни, перед нами открыты все дороги и к высотам науки, и к подвигам труда, и к государственной деятельности. Наши права на труд, отдых, образование закреплены Сталинской Конституцией. Вот почему мы, советская молодежь, готовы жестоко сжечь все, что посягает на нашу независимость. Всегда за народным писателем Джемалом хочется сказать в стихах:

«Ни горы, ни бури для нас неопасны,
И море, и суша, и высь нам подвластны,
Недаром же нас зарубящий зовет,
Ударной бригадой вселенной зовет».

Ровно в 7 часов 30 минут вечера открывается вечернее совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. На повестке дня третий вопрос — ратификация советско-германского договора о ненападении. К трибуне подходит председатель Совета на-

родных комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел товарищ Молотов. Депутаты восторженно встречают главу советского правительства Вячеслава Михайловича Молотова. Долго гремит аплодисменты, приветственные возгласы. Звонки из президиума напрасно призывают к тишине: зал еще долго не может успокоиться. Но вот все стихает. Петровлов, спохватив присутствующего товарища Молотова к характеристике международной обстановки, подробно останавливаясь на внутренних противоречиях позиции Англии и Франции во время ведения англо-франко-советских переговоров.

С напряженным вниманием мы слушаем выступление товарища Молотова. Как и всегда, он говорит просто, ярко, убедительно, смело. В словах товарища Молотова, в уверении о величии его речи чувствовалось могущество 170-миллионного советского народа, который знает, что советское правительство, партия и товарищ Сталин делают все, чтобы отстоять интересы народа.

Я видел, как у депутатов были те сосредоточенные суровые лица, то вдумчивые, то озабоченные. Бурикой озабочен депутаты заявляющие товарища Молотова о мудром предвидении товарища Сталина, который с трибуны XVIII съезда ВКП(б) разоблачил происки провокаторов войны, стремившихся столкнуть двумя Германиями и Советский Союз.

«Заключенный советско-германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение товарища Сталина блестяще оправдалось», — сказал пол гром аплодисментов товарищ Молотов.

Далее глава советского правительства говорил о взаимоотношениях между СССР и Германией, о том, что отныне кладется конец вражде двух государств, что мы стоим за развитие и укрепление дружбы между советским и германским народами. Эти слова были встречены с особым удовлетворением всем залом.

Советско-германский договор сохраняет свое значение для военных столкновений в Европе. Этот договор, как истово выразился товарищ Молотов, «выявляет поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы».

Главное значение этого договора — об этом с предельной ясностью говорилось в речи — это, что два самых больших государства Европы договорились жить в мире между собой. Это необходимо как в интересах советского народа, так и в интересах германского народа. Только поджигатели войны, скрывающиеся под маской миролюбия, могут быть недовольны этим положением. В последние время засуетились вожаки социалистических партий во Франции и Англии. Об этих суетливых господах, которые обязательно хотят, чтобы СССР вступила в войну на стороне Англии против Германии, достаточно язвительно сказал товарищ Молотов:

«ЖК не с ума ли сошли эти заравнешные поджигатели войны?»

Весь зал рассмеялся... Смех наш, надо полагать, раздался далеко за пределами Советского Союза. И смысл этого смеха был достаточно ясен: мы не хотим войны и будем отстаивать свою мирную политику. Напрасно пугаются господа провокаторы, напрасно они из колаи вои лезут. Смысл советско-германского договора о ненападении состоит в том, что СССР не обязан вступать в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии. Напрасно эту простую истину не хотят усвоить господа провокаторы. И, точно отвечая нашим мыслям, глава советского правительства тут же сказал:

«Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоеют сами, без Советского Союза. Мы бы посмотрели, что это за война».

Эти слова товарища Молотова вновь вызвали смех и громкие аплодисменты в зале...

Советский Союз верен своей мирной политике. Он провозгласил, наметившего товарищем Сталиным на XVIII съезде ВКП(б).

На этом историческом съезде товарищ Сталин так определил задачи партии в области внешней политики:

1. Проводить и укреплять политику мира и укрепление деловых связей со всеми странами;
 2. Соблюдать осторожность и не давать втягивать в конфликты нашу страну провокатором войны, призывавшим загребать жар чужими руками;
 3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Армии и Военно-Морского Красного Флота;
 4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами».
- Эту генеральную стalinскую политику мира, находящуюся в полном соответствии с интересами советского народа, проводить и вперед будет проводить советское правительство.

* * *

Внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР закончила свою работу. Она приняла важные решения, которые, несомненно, войдут в историю советского народа. Четвертая работа сессии были для меня школой большой государственной деятельности. Телно болярно мы распрощались с Али Гунговым. Пройдет несколько месяцев, и мы вновь встретимся в зале заседания социалистического парламента. Я ему покажу свою зачитанную книжечку, в которой надюсь, будут только отличные отметки. Он обещал подаровать меня успехами в боевой и политической подготовке.

Али уехал в полк. Я стал заниматься в Академии. Наступили дни, обильно заполненные учебой.

СТРАНЕ РОДНОЙ

А. ЛЕБЕДЕВ,

слушатель Военно-морского училища имени Фрунзе

Что же нужно для побед на море?

То, чтобы со ступеней земли,
Пеную пунистой борз узор,
На воду сходили корабли.
И во имя берегов покоя
Нам нужна надежная броня,
Прочное оружие морское,
Сила артиллерийского огня.
Нужно знать нам корабливладельце
Так, чтобы уметь пройти везде,
Знать науку грозную сражений
На соленой яростной воде.

Это есть! Сильна страна родная!

Верфи все идут на полный ход,
Крепит сила твердая, морская,
Вырастает пролетарский флот.
И еще дает страна родная
Самое пригодное в боюх
Всем сынам, которым поручат
Вахту в океанах и морях,—
Это смеельч в час суровой жизни,
Это волю, что всего сильнее,
Это сердце, верное отчаяние
И не изменяющее ей.

КОПОРСКИЙ ЗАМОК

Счастливы люди, на долю которых не однажды выпадают особые дни. Больше чем

Двадцать месяцев и годы жизнь человека течет, как река в спокойном половодье русла. И вдруг берега начинают тесниться все ближе, скалы вздымаются все выше и выше. Течение становится быстрее. Впереди слышатся невнятные, смутный гул. По воде пробегает легкая рябь. Оно слово предупреждает о чем-то шумном, стремительном, прекрасном, что лежит там, на пути. Но о чем?

Ближе и ближе. Последнюю поворот — внезапно все река (всё живое!) одним махом, с грохотом и гулом, пенясь, брызжа, гудя, понитая облаками водяной пыли, сныи мимолетными радугами, обрушивается в шумную бездну водоеда.

Жизни Васи Федченко, семидесятилетнего пареняка, было доминато до сегодняшнего водоеда к половине шестого утра 22 мая 1919 года. Но сейчас было еще рано.

Сейчас маленькие ручные часы с репиткой на запястье у Стаса Гусакевича показывали только пять часов пятнадцать минут. Вася присядал вглубь в дачь через проем в копорской крепостной стене.

За проемом, прямо ввиду, зеленел очень глубокий овраг. Дальше, за оврагом, расстилалось широкое луговое поле. Серая земля дорожки тонула по нему наискось, слева направо.

Тихое летнее небо, чистое, без единого облачка, покрывало все это, дожась краем на лес. Но тишина была теперь враждебной, подозрительной, опасной. Как раз оттуда, из этого мирного леса, каждую минуту мог показаться враг.

Левее Васи небольшое углубление, которое вода за сотни лет выдолбила в плацдармной стене. Там, прикрытый связанными ветками бузины, стоял теперь «максим».

Косая в его сторону, Вася видел лежащего на животе около пулемета Стасика Гусакевича — наводчика. Стась то и дело оборачивал в васину сторону живное свое серолазое лицо, ухмылялся, подмигивал. Он одновременно хотел и похрюкивать, обидать Васю и получить удовольствие. Буражка его была перевернута задом наперед, чтобы не мешал козырек. Из-под околыша выбивались светлые ухарские кудри.

Петр Шарок, вечный помощник наводчика, то присаживался на корточки, то спускался на одно колено поближе к Васе, за бузиным кустом. Он хлопотал над коробкой с патронной лентой. Мало-ед таких суставчатых дент прокуслили за время войны его ценные мужские руки!

Вася видел то воды его шинели, то серую медушку маленькой палачи. Третьего, Баронича, пришлось поспать нить на подложку патрона из тайника: запас дент хранился в куче штебя, в глубоком подвале той башни, что правее ворот. Ежeminuto Баронич пробирался отсюда сквозь кривую с новым зеленым ящиком в руках.

Недалеко от «максима» стояло на земле ведро с водой, вернее, большой поддоник с носиком. Водать этим делом поручили Марусе, финской девушке. Вода, конечно, понабодило, стал намерика прогреться. Правда, Вася несколько раз сердито сказал ей, чтобы она уходила прочь... Ну ее! Опасно-вель

В мае 1919 года на Петроград наступали соединенные силы русских белоградцев и интервентов. Им помогали шпаны и диверсанты, аэсаные в тылу, и офицеры-американцы, прорвавшиеся в ряды Красной Армии. Советские войска оказывали врагу героическое сопротивление и отставали высадку нидь немцы. В конце мая в Петроград прибыл томский Отважи. Под его руководством Красная Армия перешла в решительное наступление. К концу августа белоградцев и интервенты были разгромлены и прогнаны с советской земли.

Комсомолец Васи Федченко, герой романа Л. Успенского, — командир одного из красноармейских отрядов, самоотверженно оборонявших подступы к Петрограду в разгар наступления белых. События, описанные в отрывке, который мы помещаем, предшествовало следующее: Васи Федченко получил приказание как можно долгие удерживать Копорский замок, чтобы спасти части Красной Армии от окружения и разгрома.

все-таки! Но тут девушка проявила не военную строптивость. «Нет, не уйду, начальни!» — вовсе не почитливо ответила она, сердито бгесив в глаза. — Не надо сказать так: уйди! Наш папа есть там, Марин есть здесь... Не уйду!» Девушка осталась. Ей дали дело.

За пять минут до начала боя человек может увидеть многое. В глаза ему сразу бросается и то, и другое, и третье; и серый в широкую клетку платок на плечах у женщины и мелко дрожащий на ветру лист бузи-

ны; то жаворонок, который, трепеща, поднимается там, над оврагом, то коза, мирно вышедшая вгряд из-за каменного уступа стены и с глумливым недоумением — «Миз-э-э!» — устанавливая белыми глазами на людей у пулемета.

Людей мало, надо быть сразу и за командира и за дальнометришка-наблюдателя. Надо следить, следить, внимательно следить! Нужно не пропустить мига, когда они появятся там, возле далекого лесного леса... Заметить сразу!

Но как раз это Вася не угадал, да и не могло угадать: расстояние было слишком велико.

Только тогда, когда близкий красноармеец за оврагом вдруг, обернувшись к крепости, закричал что-то неслышимое, когда вдруг сразу перерывисто, горохом, по кустам побежала горопыливая, сбивчивая дробь винтовочной стрельбы, когда высоко в воздухе над старой крепостной стеной точно свистнула мажневый жесткий кулики и первая вражеская пуля, чмокнув, полудила над камнями легкой вихорек пыли, — только в следующие мгновения Вася увидел их там, вдали.

Маленькая черная кучка выпрыгнула на лесу на дорожку. Почти тотчас же она растеклась горсточкой муравьев во все стороны. Крошечные далекие фигурки, еще чуть видимые, но уже неустанные и опасные, бросились врассыпную по ряк. И сейчас же жизнь Васи Федченко хлынула вперед стремительно, бурно, как каскадом.

Если очевидцы будут вам описывать подробно какой-нибудь бой, — не верьте им. Описать бой во всех деталях невозможно. Бой — точно лавина в торях. Она готовится, накаливается долго, очень долго. И пока она готовится, время то растягивается, то сплюсывается.

Каждая отдельная минута длится недолую вечность, а все вместе оно мнется мило, словно бешеный вихор. Шкель люди горят. Дыхание спирется. Сердца готовы разорваться от напряжения. Ну! Ну, скоро же миг! Скоро ли наш черед? Когда же миг! И вдруг все рушится...

И тогда уже наоборот: каждая отдельная минута мелькает мило, как искра в ночи. Зато все они, сложенные вместе, растягиваются на долгие, бесконечные часы...

Минуту тому назад все было еще совсем тихо. Потом Вася скомоидовал: «Ого!» и сам не устоял своего голоса. В тот же миг ему ухнул, беззвучно мерный стук пулемета отгородил его от всего мира, точно ударившая ровный в частый железный забор.

Вот гребень оврага напористо. Он весь ошестивился невдамой острой бхромою винтовочных выстрелов...

Вот дрожащий, дымившийся, пришедший в иступление пулемет. Стаса Гусакевича сцепился в ручки затыльника. Локти его крепко стоят на деринках, лежащих на каменной плите, губа закушена. Большими пальцами обеих рук он с силой нажимает на спусковой рычаг.

Петр Шарок стоит рядом на коленях. Он бормочет что-то невнятное. Он победил, но руки его точно, березно и быстро, без всяких задержек, легкими движениями поправляют богучую в прицелик ленту. Онереди! Так-та-та так-та-та-та... Пошла!

Далеко впереди, на полевой дорожке, средя ряк, Вася видит легкие дымки

Стас Гусакевич сцепился в ручки затыльника.

решетов. Они быстро встали и все разом расселись по холму. Был прямо по цели противника...

...Пулемет в Копорской крепости оказался совершенной неадекватностью для вступавших ивгирманландцев. Идя от Ивановского, они думали с ходу вернуться в деревню. Они вышли на открытое пространство плотной кучей. Минуту спустя они снова отхлынули в лес.

Почти тотчас же по дороге из лесу карьером подошли двуколки с двумя пулеметами. Солдаты в странной раковинчатой форме, обутое кто во что: одни в канадских тяжелых ботинках, другие в «модельных» финских поршевых «краниках» без каблук — бросились устанавливать пулеметы в тылу, когда-то и кем-то вырытые в лесу. Под прикрытием их огня в наступление пошли еще три цепи...

Маруся Урбалайнен торопливо налил из ведра воды в кожку «максида» и отошла в сторону, за стеной.

Вася опять закричал: — Огонь, Стась, и переменн прицел!

Витязки из оврага были часто, торопливо, перебивая друг друга, «Максима» снова заработал. И вдарил смолк. Что? Что? Стась!

Стась Гусакевич резко отпрянул назад. Он схватился за руку, чья на бок и, подвинув под себя вымокшую траву, попытался вник, в кривые заросли...

— Ой! Ой! Ой, как же? — тоненько, испуганно ахнула, бросаясь к нему, девушка. — Ой, что?

Вася не мог, не имел времени взглянуть в то, что там произошло. Или, может быть, он видел все это, но не успел понять? Он кинулся к «максиме», перескочил через коробки патронов, упал ничком...

...Он лежит теперь на открытых мховых ковриках, управив локтями в шею. Перед ним дрожит какой-то зеленый штык. В ладонях отдается неистовое биние шероховатых ручек затальника.

Ушам больно от непрерывного грохота выстрелов, от металлического судорожного стука бешено мотающейся справа рукоятки.

Сколько времени это продолжается? Полчас? Два часа? Три?

Далеко-далеко за штыком, по зелени озного поля огня, в сотый раз, бегут люди.

Затальник легким усилием подается кину. — Петя, ленту!

Лента, шелковая, пошла. Огонь! Огонь! Кожу сразу же прирывает. Воздух над ним, как в жаркий день над пыльной лужайкой, начинает водношто дрожать. Цель — это люди там — распыливаются, тускнеют...

Сколько же времени прошло? Долго ли продолжался бой?

Ни Наса, ни его «номерач» ничего не знали об этом.

Он мерял время не по часам (единственным часам Гусакевича была вдребезги разбиты пушки). Они на глаза прикидывали его по числу пропущенных патронных лент, по ведрам воды, которую теперь носил, черномед, боксерам из пороховой Барониче. Время уходило, расплывалось вместе с легкими клубами пара из пароводной трубки.

Около восьми часов зазвонил в крепости бойцы вдару поучувствовали, как огонь со стороны неприятеля стал слабеть. Потом он прекратился.

Это, однако, не обрадовало их: похоже было, что противник решил окружить крепость, вернуться в нее с тыла. А тогда уже все кончено. Надо бы отходить, пока не поздно. Но ведь сигналы — не было...

— Товарищ! — звонок закричал он, — мы боевое задание выполнили до конца...

Пока работал пулемет, пока вражеские цепи мельтешили там, за оврагом, пока дело шло только к одному: ах, только бы не заело, только бы стрелять, стрелять, стрелять! — тогда все было просто, ясно, великолепно. Все гайки подкручены, дружины держат! А сейчас все сразу как-то распустилось, ослабло... Ох, какая усталость чертова! Нет, надо сразу же решать. Дождаться нечего. Надо отходить!

Петр Шарок, прильнув к пролому, помахал в овраг пустой лентой. Минут через пять восемь стрелков появились в крепости. Где остальные? Двое были убиты, четверо ранены и ушли вниз по ручью.

— Ну, начальник, — спросил, как только пришел, лесник Урбалайнен. — Ну, как? Самосильно не постарались, брат! Что дальше делать будем?

Вася взглянул на оставшихся ленту. Их было три, те, которые свисли с раненого Гусакевича. Три? Немного зто! Остатки совсем без патронов, конечно, нельзя, мало ли что еще случится? Надо отходить... Да, но куда? Кто теперь там, в самом Копорье?

В этот миг кто-то тихою трюнул его за локоть. Девушка!

Слова, нахну на плечи платок, девушка сморгла ему в лицо.

— Я... пойду на деревня, — вопроительно сказала она, — буду немного поглядеть, как там идет дорога?.. Надо влезать на стенку. Вуду помазать рукой немного.

Дорога оказалась свободной. На деревенской улчке никого не было.

Есть в Копорье маленькая площадь перед восточным двором, что на правой руке от дороги. Дойдя до нее, Вася Федченко остано-

вил свой крошечный отряд. Высокие стены замка безмолвно смотрели им вслед.

Красноармейцы углядели было задержку (попозднота бы), но потом поняли: командир обещать хочет!

Стась Гусакевич стоял бледный, опершись здоровой рукой на плечо девушки. Глаза его болезненно блестели. Кроме него никто еще в отряде были перевязаны: у одного — голова, у другого — орудно.

Вася вдару захохотал. Все сразу захлынуло на него; и отен и желтая дымка на заокосном дворе с надписью «Комитет комсомола» и сухой стук пулемета.

— Товарищ! — звонок закричал он. — Долго разговаривать некогда. Мы боевое задание выполнили до конца... Надо было бы, если держались бы...

— Зубами бы отгрызались! — сердито сказал всуху бородастый Карпов.

Вася остановился. Оглядывая бойцов, он вдару увидел возмущавшихся над ними стени Копорского замка.

— Вот, товарищ! — еще звонче, еще жарче затаронил он. — Видите этот богатый замок? Семьсот лет назад здесь наши и прежде защищали его от врага. Была, и они уходили. Ну, не надолго! Опять ворочались. Наши, русские! Сколько костей тут в этой земле лежат? А чьи кости? Наши! Чья земля? Наши! Не сдадим чужим своей земли родной, Вернемся!

— Верно, верно, Вася! Правильно говорим, товарищ начальник! Пушай не радуются галы! — заплемяли бойцы. — Веди нас к своим!

Вася перевел дух. Дорога, пушай, свободна! Дорога, безвредно к склюку Копорского поля, уходила в лес. Там, за лесом, были красивые, а до леса на ней никого не было. Не было потому, что взвод пулеметчика Федченко исполнил свой долг.

История гражданской войны потратила немало усилий, чтобы восстановить во всея детали картину «дела у Копорского замка». Трудно себе представить, как быстро изглаживаются из памяти людей подробности даже совсем недавнего прошлого.

Историкам удалось восстановить очень немногое.

«Пулеметчик, имя которого осталось неизвестным, засея за старинным замкомными стенами, несколько часов метким огнем задерживал наступление значительных отрядов белых. Не проходила неожиданного современными, инженерными, повидимому, реплии, оставив занятые красными Копорье у себя на фланге, обогнн его по огорью. Во всяком случае, наши партизаны, позволавшие сюда случиться, нашли деревню и крепость свободными от чужьих войск, а поле к западу от нее покрытым трупами неприятеля. Лишь через несколько дней местечко было без боя занито тыловыми частями белых, а через месяц освобождено нашим наступлением».

Историки знают только это. Но именно этого не знали в тот день ни Вася Федченко, ни его бойцы.

Едва держась на ногах от усталости, она пересекла и близжайшие сутли — болатности леса к востоку от Копорья и 25-го июля выннли к нашим частям, стгивавшимся на рубеже речки Кованш...

С В И Р Е Л ь

Рассказ

У же первое знакомство с дедом ничего хорошего не предвещало... Это было в те годы, когда я торговал водой в Питтгорске, на базаре.

Я набрал воду в чайник, выходил за ворота дома — мы жили на Базарной площади — и начинал пронзительно кричать:

— Вот кому воды холодной, только что набрал! Воды, воды!

Сразу находились покупатели.

— Почему кружка?

— Мыслил!

— А за пятсот тысяч отдашь?

— Ни бывало, что весь чайник — пятнадцать с половиной кружек — я

уступал за пять миллионов рублей. Это было в 1921 году.

Шатаюсь по базару, я остановился как-то у тачанки, разглядывая на-

рисованный на задке свидаемый посыл.

— Ты шо ты там робашь, бисова детина? Украсть чего-нибудь хо-

чешь, а?

Чернобородый, краснолицый дед перегнулся через задок тачанки.

Я отскочил за расстояние удара кнута:

— Я не вор, дедушка. Я из этого вот двора.

— А не тут ли живет Марфа Рабова?

— Тут. Это моя мама.

— И шо ты скажешь, чуть вилка кнута не угодил.

— Вы дедушка Прокосенко? Идемте к нам, — сказал я, храбро при-

ближаясь к тачанке.

Дед кинул молодиче, что сидела на передке и грызла семечки, —

доглядяй, мол, — и степенно полез с тачанки. Я вприпрыжку побежал

вперед.

Вот он каков, мой дед Микита! Много я слышал о нем от матери.

Отец мой до тридцати лет был бобылем-шабем, ездил по селам и

куторам, покупая хлеб для городских мисников. На хуторе Кудрявом

приглянулся ему моя мать. И слышать ее хотел дед Никита Никоно-

вич о свадьбе:

— Голодоранч! Ни кола у тебя, ни двора! Яка ж ты пара для моей

дочери!

Не стал уламывать отец мой упрямое старика, но шепнул два слова

его дочери. Вечером выскочила она в чем была, прыгнула в шабазеу

дулюкко — и только их увидели. С тех пор, как ни плакала бабка, как

ни уговаривала деду все семья простить, послушавшу, не хотел Микита

Прокосенко признавать мою мать, Марфу Рабову, своей дочерью.

И вот я еду в дом страшного деду...

— Мать стирала под навесом беле, и руки ее по самые локти обле-

пила мыльная пена. Увидел отца, она растерялась, как дитячонка.

— Пашня, явшан! — заржала мать чужим, сильным голосом и,

накоро вытесив руки о передник, бросилась на шею деду и начала

громко ролотить:

— А Федя мой помер, вот уже три года, как помер...

— Мани казали, бабка казала, — пробурчал старик.

— Божке, да чего же мы стоим, идемте в хату...

— И здесь, готова деду угощение, мать сразу же начала жаловаться

на меня.

— Бандитом растет, в школу ходить не в чем, так он босякует, дер-

ется с соседскими ребятишками, ходит оборванный, в синяках. На

прошлой неделе с товарищами клеветно бодуе влозвал. Сыды и грам

на мою голову! Нет отца, некому его проучить кнута да дубиной...

Дед внимательно, в упор разглядывая меня и вдруг сказал:

— Я его вольму на хутор. Хай скотину пасе.

Мать обрадовалась. И когда через минуту дед, сурово отказавшись

от угощения, поднялся, чтобы угодить, мать торопливо собрала мои

наказные: рубаху, рубчик, штаны, передрестала меня и поцеловала в

лоб. Дед шел по базарной площади к своей тачанке, за ним шата я,

а сзади бежала мать и говорила громко, чтобы слышал дед:

— Пожалуетса на тебя дедушка, — убью, с дому стою.

Мы едем по горным дорогам. Эльбрус появляется то слева, то спра-

ва, дед то цепью тормозит тачанку, то идет за ней в горы решком

вместе с молчаливой молодичей. Потом горы остались позади, и перед

нами открылась степь — гладкая, ровная, ни конца ей, ни края.

Под бутром, на берегу реки Кумы, стоит окруженный садами и гу-

стями выхрестами вербами хутор Кудрявый.

Потом я узнал, что первым прибыл в эти края мой прапрадед Михей

Прокосенко. Были у него тогда дроги, две овцы, кобыла, денег пять-

десять рублей. Днем он свирено погонял кобылу, а ночью выпрагал ее,

привязав ее задуку с овсом и аяргался в оглобли сам. Так и вел он

на себе все свое добро до самого этого места. Здесь он купил на

все деньги земли, выстроил землицу и начал богатеет. Хлеба у него

стояли в оглобли вышней, арбузы росли тудовые, дети рожались до-

нами и, казалось, вотки в землю сухое кнутоиче, пусит оно побег и

зацветет.

На бутре перед хутором дед остановил тачанку и, заслонив рукой

от захватящего солнца, посмотрел куда-то вдаль:

— Скотина сейчас и кукурузе буде. Неужели так никого нет? А ну,

бежи, Игнат, заверни скотину.

Я бросился со всех ног к стаду.

Только вечером, голодный и продрогший, я пришел домой.

Три глиняных тачки стояли вдоль стола. Из первой хлебушка дед, ба-

бушка, дядя Ваня — старший сын, его жена — Марья. Из второй —

другие дальки: Алексей, Пантелей, Федор, Грицко, — их жены. В конце

стола сидели ребятишки — одиннадцать человек. Дед первым положил

ложку и заговорил обо мне. Пока я приявную, с мой будет насти

стало зловоронный брат Микола, первую неделю я обедаю здесь, потом

по неделе в каждом дворе.

После ужина мы пошли на кухню. Бабушка разостала на земля-

ном полу полость, и мы легли на нее впопак — шесть мальчишек —

мал-мала меньше.

Утром меня разбудил Микола. Я вскочил, улыбался затклой водой из

бочки, утерся поклоном рубахи и побежал босиком по холодной росе.

За воротами, выходя на выполозающее из-за горы солнце, сидел дед

Илько — работник. Он был высокий, рослый, волосы росли у него во-

крут лисины ровной оборкой, будто чесаный лен был подвизан к голове и подбородку.

— Солдат, а солдат, смйгра зорю,— закричал Микола.

— Дед Илько повернулся лицом к влажным воротам и застучал по ним косточками указательных пальцев.

— Тра-та-та, тра-та-та,— зашел Илько.— Смирно! Шагм арши!

И под гулкую барабанныю дробь мы зашагали по дороге.

Пыль была чуть-чуть пририта росой, она заполола, мыinka как вата, между пальцев, дымилась под ногами. Ноги стали серыми. Бабы одна за другой выскочили за ворота кором. Кором припалади к траве и с шумом, сдувая с нее придорожную пыль, лачинали жевать. От крайнего двора Анисима Перевэрз, мы погнали скотину прямо на красное восходящее солнце.

На пригорке, у опушки к реке, опираясь на красную плуку, стоял дед: — Гонить стадо на той бок Кумы, в Негрбовую балку. Там ще не тронутый вынос. А ты, Микола, учи его, учи, хай залу, а хай забролют.

Хуторяне согласились взять меня пастухом с начала Петровок до Покрова за половину цену. Плата небольшая, но и пастуха от земли не выдать. Когда в худший жить и харчиться в первый двор к Анисиму Перевэрз, дед дал мне кушт, дабы,— посетале радио.

С утра дала мне Перевэрзиха краюх хлеба, сала, пучок жуло зеленого, а вечером, когда распустил и стадо, позвала меня ее дочь Маниа: — Иди в хату обедать.

В кухне Перевэрзиха зачернула из бочки со снятой простоквашей в глянину миску кислого, как шавель, побла и махнула рукой на дьяр — иди на улицу, обедай. Поел я сколько могу и сел на крылечко. Спать меня в хату не звали. Подошел ко мне работник и сказал, что с марта все они во дворе спят — кто в соломе, кто в сене. Разговорились.

Оказывается, из-за Оксана, старшей дочки Перевэрзихи, похвасила мой дьялко Егор. Хотел жениться на ней, да дед не разрешил. Ему нужна была сноха работница, а эта была так хороша, что даже Перевэрзиха ее избавовала, и вносила Оксана калюни. Поэтому и сказал мой дед Егору: «Сноба буде з нее хойбав, раз она поест по два чобота на одной ноге? Может, от гора, а может, и от чего другого после смерти Егора умерла и Оксана. В этот год поседела Перевэрзиха и стала еще скупой. Дедло утешенье — Маниа: работщица, старательная и такая же красивая, как сестра.

Спал я в сене под скирду, завернувшись в бабину радио. С вечера оно было колочием и жесткое, а к утру тепло стало под ним и уютно, только на щеке появились впадины, будто я робой.

Я слышал ее крик и молчал, закопавшись в сено. Холодно утром — спать хочется.

— Вставай, а то виланы заворю.

Воспользуй я из своей берлоги, открылся к себе сухие травянки и посмотрел на солнце: где оно?

— У вас в горде все так долго спит? — насмешливо спросила Маниа.

— Все,— сказал я сергито.

— Что ж ты стоишь, как пень? На хуторе уже все чисто скотину со двора повозвали. Иди, женишок, иди!

Я круто повернулся на голых пятках, хлопнул кнутом и убежал, зыбя захватить обед.

В июньскую жару стадо само идет на водопой и не отходит от реки до косяк лулей. В такие дни я был свободен. Приходили ко мне с хутора Микола и другие ребятишки. Мы купались в реке, рыли землики, ловили лягушек, собирали ягоды. Однажды, с трудом проламываясь на забытую лесную поляну, огороженную с одной стороны речкой, с другой — зарослями вербы, мы замерли в кустах. Под старой вербой стоял шалаши, крытый сеном, перед ним горел коток. Над котком — черный коток, подвешенный к деревянной треноге, и в нем палочкой мешал сук солдат Илько.

— Здравствуй, солдат,— ласково сказал Микола.

— Зарания желаю,— ответил Илько, не оборачиваясь.

Мы сели на корточки перед котком, в нем варился кобелек: яблочки, хлеб, морковь, зеленые помидоры.

Я сел возле дед Илько у реки, над кручей, на цветущей лесной долине. Мы хлебали кобелек из прокопченного котла. Кочил Илько еду, облизнул ложку, положил ее в торбу и сказал:

— Сбыве и тебе, хлопчик, сошнуку зроболю.

Цепляясь за ветки, он полка в самой воде, срезал тонкую вербочку и стал остругивать листья. Постукивая по срезу черенку ножа, старик рассказывал:

— Был у сестры-красавицы брат-разбойник. Убил он ее и схова у реки. Вырвался из серпа дивичина вербочка. Срезал пестуху вербочку и сделал сошнуку. Заиград — плещет сошнука человеческим голодом и рассказывает все чисто про брата-лиходца, про то, как убил он сестру темной болотью.

Солдат сшил ботинок кору с прутка. Просервал в ней дырки, подстругал белям прутки и снова надел на него кору. Готова сошнука. Он приложил ее к губам. Свирель застонала человеческим голодом. Я смогрел внид, с кручи, а то место, где срезал прут дед Илько. Нет ни там хлудника, не лежит ли в земле дивичина, зарезанная разбойником братом?

И жадно слушал я были и небылины, которые рассказывал солдат. Обошел Илько всю Россию, а эти места понравились ему больше всего. И став он семидеять лет назад работником моего дедла и с тех пор на шату с его двора, потому что подвобал он мою мать. За шутливость и буйство старика считали солдата чудачком, а дети — сумасшедшим.

Как-то нашел он надворный рубль. И, возвращаясь из города, купил на все свое состояние гостинцев моей матери.

— На весь рубль! — ужаснулся бабка.

— Да какой там рубль, с дыркой.

— Мой дед не платил ему ни копейки. Сделали его коз-ка, кормили как хуже собаку, а работал он за двоик. Вот и теперь он должен был выкопать траву на лесных полянах. Это на одного человека на две недели работы. На время пока Илько переселился в лес, построил шалаши и жил в нем, бродил по лесу, собирал ягоды и все показывал на лодки. Со мною он подружился потому, что я был тоже работник и надо мной тоже смеялись худоские ребята. Кроме того Илько любил меня за то, что я сын Марфы.

Каждый день, как только стадо ложилось у реки, я бежал на поляну, к делу Илько, чтобы послушать его сказки и веселые солдатские прибаутки. Однажды в лесной тишине, когда даже птицы не щебечут, разомлев от зноя, я услышал за собой тяжелые шаги. Я спрятался в кустах, чтобы узнать, кто идет на глухую поляну. По тропинке шел мой дед. Я пошел следом. Дед встретился с Илько у самой опушки, и мне было слышно каждое их слово.

— Здравствуй, косарь,— сказал дед,— мне говоришь, что ты тут не работаешь, а лесишь толки. Дружки у тебя завелись.

Илько молчал и продолжал косить.

— Стой, собачий сын, когда я с тобой говорю!

Дед ударил палкой по древку косы. Илько обернулся к нему и спокойно сказал:

— Ты меня не трогай, старый чорт. Не при николаевском режиме живем. Уходи, пока живешь!

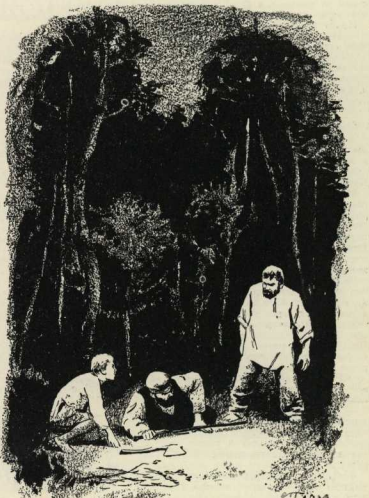
— Это что ж, маршуркин сын тебе научил так с козником говорить? Илько повернулся спиной и продолжал работать.

— Подляка, ты дивьясь, яка подляка! — топтался на месте дед.— Оксана, Илько, догнрешась с огнем. Только скажи стому бабстряку что-нибудь лишнее,— убью. Мигом убью. Так и знай.

Не будь этой страшной угрозы, может быть и не рассказывал бы мне Илько всего, что знал о Ниянге Прокпенко.

Работали в тот год хуторяне спору. Вместо зарезки был назначен налог, открылась частная торговля, появились спекулянты и шабля. Приняли на хуторах работников, прикупили овец, коров, лошадей, выткнули из леса и потаивых складов буккера, плуги, борона, лобогрейки и сноубывалки.

В прокопченском дворе, на току,— молоты. В центре двора по золотой соломе прыгает коток. Сыны, сноки, дети и работники Накиты Никоновича — кто крутит веялку у амбара, кто снопы подносит, кто

За его спиной стоял Илько.

воронит вилыи солому на току, чтобы лучше обминались зерна. Тут и Илько — он уминает солому на скирде. И дед ходит тут же, опираясь на палку, охая и горюясь; в страду он всегда болен. Встретились мы после долгой разлуки без радости.

— Что ж ты стоишь, як гугало на огороде? Бери вилы, отгребай по-лову.

Я стал у вилки, и понесло на меня знойным ветром, устоями и пылью. Вышла луна, и при ее свете грохотала вилка, летела на меня пыль. Только к полночи прорчал дед:

— Давай шабашки!

Никто не пошел вестер. Тут же, как мухи, попадали люди на току и заснули. Утром, когда звезды еще не исчезли с неба, нас разбудил дед. Я собрался было уйти со двора, но за воротами догнал дядя Ваня.

— Сегодня Павло будет пасти скотины, а ты оставься на току.

— А я не хочу, я в пастухи выйду.

— Не ури, Игнат. Так папаша сказали, а не послушаешь, так он тебе с хутора сванет.

Я остался на току. Снова поставил меня дед под половым дождем, а вечером, когда взрослые понабижали, послал с ребятниками в лес собирать хворост для грубки, в которой на дворе варила бабушка вечерю. За час я собрал тонкую вязанку. Так продолжалась несколько дней. Как-то вечером, опираясь в лес, я попортил Миколу захватить топор. Мысль у меня была такая: нарубить веток, высушить они, и будем мы носить их домой, будто собирали. Топор был плотный, острый, работа спорилась: валится вербы, белобитые осины, дубки. Не срубая я и десяти веток, как в зноним вечернем воздухе дед услышал стук топора и побежал в лес.

Увлеченный работой, я заметил его только тогда, когда Микола крикнул:

— Дедушка! — и бросился наутек.

Я тоже попытался ударить, но дед схватил меня за ухо и сразмучу ударил палкой по плечу. Топор выпал у меня из рук, от испуга я даже не вскрикнул. Дед ударил второй раз и наутр наклонился, будто захотел укусить меня. Я закричал звонко и пронзительно, и будто от моего голоса дед свалился к моим ногам.

За его спиной стоял Илько:

— От стара собрал! За что убивашь клопца?

Дед лежал без движения и жалобно стонал. Илько нагнулся, взял его за плечи, легко поставил на ноги и толкнул:

— Иди паскуди!

Дед спохватно отпрянул, метнул на меня быстрый взгляд, подобрал топор и ушел.

— Сидишь, босяк! — крикнул он из чаши.

И в тот вечер дед Илько был со мной особенно нежен. Мы сидели с ним на пригорке, а внизу вылась река, лес стоял бархатом от вечерней зарей, кукушка отсчитывала кому-то шаги, завалился сверчок.

Илько говорил тихо-тихо.

— Не одну жизнь загубил, старый черт. Егор из-за него повесился, твоя мать бежала. Человека на моих глазах убил. Сколькo злодейств наделал твой дед... не считешь. Меня до самой революции бил. Напелется пьяный и заставлял себе как бышему фельдшеру честь отдавать. Уйти? А куда я пойду с полку серды да безграмотный? Да и привык я, Гаядя, какая благодать вокруг!

Проработал я всю неделю на току, кончился срок моего харчевания у деду, но скотины, как и прежде, был малыш Павлушка. Ухотряном все равно, кто пасет, лишь бы пасли. Так и остался я батраком у деду, а он будто забыл о лесной драке. Закончили мы обмотот, съмазли хлеб, сложили в скирды солому, и тогда попросил у деду Онисим Перевязев вилку. Дед дал.

Мы поставили вилку на лестницу, пригнали двух быков и так, волоком, тащили их до двора Перевязевых. Подлет вилка, подминая тучи пыли, Илько идет рядом. Вдруг случился по пути бугорок, вилка пошатнулась. Илько подставил палец, чтобы она не опрокинулась, погал ногой между двух ступенек лестницы и упал. Быки — не лошади, сразу не оставили, и проткнули они Илько две — три саженя, а ногой его, придавленная лестницей, вполчилась по земле.

Подбежали мы. Илько не стонет, не кричит. Мы подняли вилку, освободили ногу и внесли его в дом. Перевязели ногу помыли коленом, кровь остановилась. Пришла бабка Просянычка с Выселок. Помазала ногу черной, как леготь, мазью и ушла. К утру нога распухла и почернела. Вечером Сидор Рычко из Орбельянского привез фельдшера. Тот развязал ногу, гланул и закричал:

— Зверь вы, а из людей! У него заражение крови, гангрена, ногу надо немедленно отнять. Сейчас же зарежьте лошадей и везите его в Минеральные воды, к хирургу.

Фельдшер уехал. Дядька Иван выкатал из-под поветки ливнейку, взял удедочку, чтобы словить вилку на лугу у Кумы жеребца Черкеса.

— Куда? — закричал на него с крыльца дед.

— Надо ж ответить человеку.

— Черт его не возьмет до утра... разрядился он. Он пошел вилочку к дядьке, онико отбавлялся на меня... Ну, отрежут ему ногу, а потом як с ним быт? Все жию жить кормить и поить калеку? Хай лучше идет в шарство небесное, там места много.

— Дедушка, — пропентая я, — да разве...

Дед не дал мне договорить:

— Геть вилка, батстрек, что? Я тебе не бабка на дворе.

Я побежал к воротам, дед — за мной, топор он оставил и бросил в меня свою палку. Как ошаренный, я выскочил со двора. Через кусты сирени и терновника пролез в сад и пробрался к окну. У ног Илько на лавке сидел Микола.

— Тебя все время зовут, бредит... — пропентал он.

Я влез в окно, подошел к точицу, на котором лежал Илько. Он похуел, осунулся, белая борода посерела, свалилась.

— Умираю, Игнатка, конец пришел. Жил безродный, как собака, пришея коня коню и попортился не с кем. За одно могло быть, чтоб тебе счастье было в жизни... сказал он слабым голосом.

Я заплакал слезами, бесцельно.

В сених кто-то отворил скрипучую дверь, а я выпрыгнул в окно. Вышел мне Микола кут, видно, все мои пожитки, и пошел я ночевать к Сидору Рычко.

Утром Илько потерял сознание, и дед сам поехал за врачом. Он не приезжал на хутор два дни. И когда вернулся, Илько уже лежал обрешенный в кухне, на столе.

Я стоял под веткой, где дядя Ваня строил доски на гроб, когда дед неожиданно вехал во двор и сошел с ливнейки. Я спиртался в углу за тачанкой и притис. Дед пошел к дядьке:

— Робить тебе нечего, так ты нашел себе дело... нищих обрывает на твой счет.

Дядька плюнул, бросил рубчик в стружку и ушел со двора.

...Вечером, когда солнце село за гору Верболюк и воздух стал прохладным и ароматным, мне дядя Ваня, Микола, Сидор Рычко и я — отнесли завернутого в хаустину деду Илько на холм, под дубки и закопали его.

Подошла осень. Сорзел борщвик, красный и черный, покраснел князид и шишеник, сорзели сливы, терновые ягоды. Орехов в лесу — хоть метки набери! Но дни теперь были прохладные, после осенних дождей зеленая трава, не было мух и сленней, скотина паслась весь день.

Последнюю иделю я снова харчился у деду, обедал на кухне с работниками и был рад, что не встречался с ним.

Когда пришел день расплаты, дали мне ухотряном мешок муки, разному, два пуда пшена, 16 рублей деньгами, по два рубля с хозяйина, в по два фунта сала.

— Цоб, цобе, цобе, цобе! — лунит дед кнутом быков.

Медленно подымается на бугор быки. Повезка нагружена пшеницей, дед едет на базар в Питгоров, а я его попутчик.

Прощай, хутор!

Тот могил деду Илько. Она осела, провалилась, растет на ней трава, буйный осенний бурьян. Скоро она совсем сравняется с землей, а ее забудут о солдате-балугаре...

...Синия дед закрывает от меня знакомые места.

— Нет, не асе забудут тебе, Илько, дорогой товарищ! Вербочка вырастет из твоего сердца, следаст из нее пастух свирель, и пропеет она людям песню о твоих страданиях.

И новое, незанятое мне чувство родилось тогда в моем сердце. Прекрасное и великое чувство... нечаянно.

Не вернулся назад Микита Прокопенко. Через три дни приехали на хутор люди в комбинатах, достали из-под пропентанного заборца шавку, два нагана, вилочку и три сотни патронов к ней. В столовой разогортели лежку и наши 350 золотых царской чеканки и на тридцать тысяч николаевских денег. Потом призвали сына Микиты Прокопенко — Алексея — и старший, видел ли он, как убил его отец, красноармеец. Отец, мол, в этом сам виноват.

Алексей и старший, и рассказали, как было дело: случилось это в лесу, у потайного стоила жеребца Черкеса, в 1919 году, когда хотел красноармеец обменять свою зазвенную в походе клячу на племенного жеребца.

По хутору прошел слух, что выдал Микиту вилку, пастухоник Игнатка. И когда приехали в Питгоров, на базар, хуторные: савты, кумовья, дядьки и тетки, — всегда спрашивали у матери, правда это или неправда.

До самой смерти мать моя боги плясала, из вилки кристелила, что ее сын этого сделать не мог.

В 1930 году, когда а работала в оперативной тройке, по ликвидация кулачества, а снова попал на хутор Куарный. Тогда-то и поинил хуторные, какой грешницей была моя мать.

Армянские воины сражаются с арабами, нападшими на их родину. Этот эпизод из «Давида Сасунского» инсценировали физкультурники Армянской ССР на физкультурном параде 18 июля 1939 года на Красной площади.

Фото М. Калининского

ЭПОС АРМЯНСКОГО НАРОДА

15 сентября армянский народ и все народы Советского Союза отметили тысячелетие великого армянского эпоса «Давид Сасунский».

Под названием «Давид Сасунский» объединены песни о четырех легендарных повстанцах-защитниках из города Сасуны. Песни о сасунских богатырях были сложены народными певцами в эпоху порабощения Армянские армянами вавилонянами. Главная тема эпоса — любовь к родной земле, ненависть к ее поработителям, беззаветно смелая борьба за свою родину.

Эпос разделяется на четыре части. В первой части говорится о родоначальнике сасунских храбротов Санасаре и его брате Багдасаре. Вторая часть рассказывает о сыне Санасара — Мигре Старице, разгромившем великое гонимого льва, который осадил город и обрек народ на голод. Главное действующее лицо третьей части — сын Мигры Старого Давид Сасунский, а

котором армянский народ воплотил образ героя, освобождающего страну от врага; четвертая часть повествует о сыне Давида — Мигре Младшем. Совершив ряд подвигов, Мигр удаляется в пустыню и ждет в ней преобразования мира.

Почетным делом отныне влет на первой части эпоса — Санасар и Багдасар. Мать Санасара и Багдасара, чтобы спасти свой народ от нашествия арабов, соглашается стать женой халифа Багдадского. Санасар и Багдасар бегут от халифа, решившего привести их в жертву идолам. В угнетенном месте, в горах, они строят на гигантских каменных крепость, которая впоследствии была названа Сасун, что на армянском языке совуночо со словом «крепость».

После ряда приключений и подвигов Санасар и Багдасар возвращаются в материю в Багдад, убивают халифа и пообещают его войскам.

Юные богатыри Санасар и Багдасар строят крепость Сасун

Так десять, так двадцать дней все строили крепость юн.

И раз пришел Багдасар,
Увидел — устал Санасар,
И сон его ододел.

Окрывленную не зарали добычу,
Бросил на землю и спал.
Загорел Санасар.

Сказал: «Подымайся, братец, пойдём!
Тут худое житье!

Догоди ли жить будем мы здесь
Да мисо бёс соли есть?

Если б господь нам помет,
Мы б халифский имели чертог».

И если два брата тогда на коней, поехали,
прибыли в Маназкерт.

Там был царь один, звался Тевадорс.
Лишь только увидел царь

Белокурох, пригожих юнохов,
Ему стали любви они, он спросил:

«Дети! Пришли откуда?»

Ответ ему дали, сказавши: «Не знаем,
«Что у вас есть? Чего у вас нет? Есть ли
отец и мать?»

Говорит царь: «Ничего у нас нет.
Ни дома, ни родины нет».

И царю понравились они, приказал:

«Этих юнохов поведите, отведите чистую
горнину юн.

Расстелите в горнице тюфики.
Их повели, горнину им отвели,

В срок им носили еду.

Царь Тевадорс очень их любил,
Был назначен стольником Санасар.

Виночерием — Багдасар.

И держал их царь ровно год.

Когда же год миновал,
Тевадорсу визирь сказал:

«Призови их, царь, испытай,
Погодяим, могут ли что-нибудь делать они
или нет».

Вот и позвали этих юнохов,
Привели в Диван царя.

Тут и сказал им царь:

«На босуюю игру утром мы, дети, пойдём.

И братья встали, ушли.

Пошли — и в горнице сели саоеё.

До зари оставались в ней.

Ясный день заалел — встали они,
Доспехи надели они,

На своих сели коней,
Едут на поле.

Туда и царь Тевадорс со свяною прибыл.
И царь тут вымолял: «Санасар,
Бери конюво и в сторону встань».

Я, визирь и Багдасар в другую сторону
встанем».

Сказал Санасар: «Не так, государь!»

«Ну, а как?» — спросил государь.

И сказал Санасар: «В одну сторону встанем
лишь я да мой брат».

В другую — ты, визирь, твои конюво».

И промолвил царь: «Быть по-твоему».

И пошли они друг на друга в бой.

Посмотрел государь: радом с ним

Уже конюво нет; все жёлат.

Сказал: «Визирь! Да рухнет твой дом,
Как дом ты разрушил мой!

Он до сих пор думать могали,
Что мужичи есть между нас».

Выдал теперь: женщины мы».

Отвезд визирь: «Жели так,
Иагои их, пускаяй уйдут».

Городское стадо разбойники угнали в тот
день».

Тридцать всадников царь отобрал,
С молодцами хотел снарядить,
Чтоб угончиков похватать.

Сказал Санасар: «Государь,
Тридцать всадников не нужны.

Для чего? Мы пойдем влодем».

Оружие взяли. Поехали на конях.
Поехали, настали воров».

Схватили, забили, стадо освободили,
 Со скотом разбойников смешали,
 В город погнали, до города довели.
 Царь тут воров скакал, скакута, чтобы
 двинуться не могли,
 А два брата с тех пор
 Еще лучшую жизнь повели.
 И утром встанут они, идут, гуляют они.
 И видит царь: со шпатами ребята играют
 в войну,
 Прикрываясь щитами, палкой друг друга
 бьют.
 Сказали они: «К ним пойдем, в их игру
 войдем».

Пошли; кого ни ударят в щит,
 Тот без чувств на земле лежит.
 И стража к царю спешит, бежит, говорит:
 «Встань, взгляни, что творит они».

И позвал их царь, говорит:
 «Эй, вы! Разве можно так?
 Не схоже это ни с чем!»
 «Государь, живи вовек!
 Поиграли мы скакал».
 Царь сказал: «Ведь вы богатыри.
 Разве могут они с вами быть наравне?
 Нет. Так не делайте впредь».
 И сказали они: «Больше не будем.
 Город был большой, скакал в нем быда.
 Молодежь пошла, скачки начала.
 Вымолил тогда Багдасура царь:
 «Встанай, с братом ступай,
 Скажуноу гоним, поиграй».
 Подсажают они, вскакивая жул.
 Братья встали с одной стороны.
 Всадники встали с другой стороны.
 Налетают, друг у друга факелы хватают.
 Как старшой за всадниками скакал,—
 Метал он факел в яреда.
 Когда ж гонялся меньшей,
 Факел метал он, домая бока.
 Двух — трех юношей он подобя.
 Неделю был Санасар.
 Повернули коней, вернулись домой,
 И с лошадьми подосл старший брат,
 На голову младшему положил,
 И пошел с ним в Диван царя.
 Родные полбитых пришли,
 Жалобы принесли:
 «Государь! Выпроводи молодых.
 Могучи они. Тебе вред причинят».
 Когда Санасар с лошадьми пришел,
 Забыла жавобичию про ребя,
 Набросилась на людей и сядт.
 К Санасуру, к Багдасуру
 Один из сверстников прибежал, сказал:
 «Рассердился на вас государь,
 Из города вас он хочет прогнать».
 Санасар Багдасура сказал:
 «Брат, приюта нам тут не сыскать.
 Уйдем, построим дом».
 Много сил мы потратили там
 Над неоконченной стройкой своей.
 Брат ответил: «Воля твоя. Пойдем».
 Пред рассветом сказал Санасар:
 «Хлеба ты не готовь,
 Не стану я вина цедить, подавать,
 Наутру не пойдем к царю».
 Пробудился царь, — ну, а братьев нет.
 Царь дает приказ их к себе позвать.
 И предстали они пред царем.
 «Государь,—говорит,— в чем же наша вина,
 За что из города ты прогоняешь нас?»
 Ответил: «Дети, коль слово сказал я,—
 Воля моя быть выполнена должна.
 Из города нас я должен изгнать.
 Ступайте-ка в свой покой,
 Обсудите все, поглядим.
 Какой бы ни выбрали путь — разрешу».
 Провели они ночь у себя,
 А когда раскрылся день,
 Вышли вдвоем: стоит перед царем,
 И спросил их царь: «Дети мои,
 Где вы решили осесть?»
 Говорят: «Государь, живи вовек!
 Мы сказали, что не знаем, где отец, где мать.
 Но скрывать ли то, что богу все равно
 узнают?»

Скажем все тебе: мы стали домик
 воздвигать,
 Да его не возвели, пришли соседь,
 И царю они всю правду говорят:
 «Где возник в горах родник,
 Заложили мы свой дом».
 Разрешил нам, государь,
 Достроить этот дом да поселиться в нем».
 Тевадорос-государь отвечал:
 «Ведь вас я когда-то, дети, спросил,

Есть ли у вас отец или мать,
 Вы ответили мне, что нет никого, нет
 Ну, а теперь, коли так,—он сказал,—
 Вам тысячу раз желаю добра.
 Ступайте вдвоем, выстройте дом».
 «Государь, живи вовек!
 Дай немущик несколько семейств,
 Зажиточных дай несколько семейств,
 Чтобы с нами пошли, возвели рядом дома,
 Чтобы время вместе коротать порой,
 Чтоб в нашем городе гулять по вечерам».
 Разматчилось тут сердце царя:
 Сорок домов отобрал, им дал.
 Ну и дома!

Он на целым дом выдал ослд, дал на
 целый дом веретено.
 И он в город беззоро послал
 Переселить эти сорок домов,
 И чтобы дали они сорок выюков муки
 И ишей снабдили в путь.
 И свой скарь утрясли я пошили,
 И пошили, и вошли на краж.
 К роднику своему пришли,
 У каменью своих стоят.
 Санасар молвил брату: «Скажи,
 Что нечуть нам? Крепость возводите
 Или выводить немущим дома?»
 Багдасар отвечал:
 «Сперва дома устроил для них,
 Построил крепость свою потом.
 Кровь иметь над головою
 Белый должен в лютой злойи.
 И начинаю с домов».
 Санасар был настолько сляен,
 Что укладывал в день он подстынь
 Багдасар, откуда мог, лес волок.
 И вдвоем они стройку вели для новой
 своей земли.
 Два брата в четыре дня все до конца
 довели,
 Вдвоем сорока домов стены они возвели,

Много стволос с этих огромных гор
 Приволокли, нанесли, не обрубая ветвей,
 К домам поднесли, на стены возвели,
 покрыли дома.
 И носовелос они по домом развели.
 А покуда братья стройку вели,
 Каждый день по семейству им хлеба несла.
 У семейств, что им хлеба несла,
 Опустили корыта, опустили кули.
 А когда пришельцы зажгли в домах,
 Братья вновь за крепость принялись.
 Санасар преогрение камни принес,
 Багдасар несобитные камни принес,
 И потом в город пошел,
 Мастера, рабочих привел.
 На камни мастер посмотрел,
 Сказал: «Построить не могу».
 Санасар в город пошел,
 Другого мастера привел.
 На камни мастер посмотрел,
 Спросил: «Санасар, что мы строить должны?
 Как приладить друг к другу эти скалы смогу?»
 «А кто б это смог?» — спросил Санасар.
 Ответствовал тот:
 «Не сможет никто».
 «Ну как же с ними нам быть?»
 «И сам не пойму», — мастер сказал.
 И вот что тогда сказала Санасар:
 «Ну, мастер, берис, нить натяни, место умини
 Да укажи, куда мне камни класть».
 Вот так-то крепость они и возвели.
 Камни безмерные, беспримерные волюки
 И с мастером вместе работы вели.
 Все руки их мощные превозмогли.
 На каменный столб каменный столб братья
 занесли,
 Своды свесли, до конца довели крепость
 свою.
 И осталось им только название крепости
 дать
 И задумались братья: как им крепость
 назвать?

Перевод К. Липскерова

Борьба Санасара с великанами.
 Иллюстрация художника Месропян

СОЛНЦЕ ИЗ-ЗА ДАЛЕКИХ ОР

Рассказ

В первый раз за месяц гажелых страданий Илько Лантандер встретил утро тихой, просветленной улыбкой. Ему сделали серьезную операцию — вырезали грыжу. Може быт, потому, что он уже не молодой, он целый месяц без памяти болел на больничной койке. Теперь боль утихла, а старый Илько весело смотрит глубоко зашвышши глазами на потолок и ждет солнца. Предутренний сумрак врывается в палату. В ней становится все светлее и светлее. Наконец, показывается солнце. Его маленькое отражение висит на электрической лампе у потолка.

«За далекими горами snow», — думает Илько и вспоминает свой колхоз, из которого его самолете отправили в больницу.

По-хорошему ветроприлово течет время.

— Поверни меня, — говорит Илько санитарке, — я хочу посмотреть солнце.

— Иди, девушка. Устала ведь, — говорит Илько, — теперь мне хорошо...

Девушка легкими шагами выходит из палаты. Илько смотрит в окно и удивляется чистому небу. Его сосед, тракторист из колхоза «Харь», тоже улыбается. Он говорит шумно:

— Ночью мне было больно, и я хотел кричать до смерти.

— Это ардено, — рассуждает Илько, — больному полагается кричать: так он скорее вылечится.

— Я боюсь, что не доживу до утра, — говорит парень, — у меня есть девушка... Она русская и работает в Красном чуме учительницей. Ее звать Тоня Ковьялена. Если я умру, то к ней придет другой парень и будет ее целовать. Мне это очень обидно.

— Тебе нельзя умирать, — задумчиво соглашается Илько. — Мне тоже нельзя умирать, я теперь член правления колхоза, и у меня много дела.

— А ты и не думай об этом, — говорят парень.

— Я и не думаю, — шепчет Илько. Он закрывает глаза, и видения снова окружают его.

Теперь в колхозе баян, наверное, уже выстроены и все малыши стобинца переделаны в желтый дом. Паутина готовится к празднику Снежин, и счетовод много часов подряд сидит над своими мудрыми книгами и подсчитывает, сколько заработал трудовой. Счеты у него маленькие, и кошелек не хватает, чтобы все сосчитать. Счетовод сердится, а председатель ему говорит, что он целую дюжину счетов купит, только бы все доходы колхоза узнать. Счетовод говорит «ладно» и продолжает работу. Наконец, он доходит до фамилии Илько и целые сутки считает его трудовой.

— Все было успешно заработал, — говорит он председателю. — Жалко, что заболел. Вот вылезешь — на курорт поедешь. По пути пусть в Москву заедет и расскажет всем народным комиссарам о том, как мы работали этот год в колхозе.

Старый Илько улыбается и продолжает гринить.

Его сын Семка — уже летчик. Он сажает Илько в самолет и спрашивает:

— Куда тебя отвезти, отец?

— Летя вон туда, к Пай Хок, где солнце из-за дальских гор вылезает. Я хочу посмотреть, кто там живет, и лучше ли там колхоз, чем наш.

И повел Семка самолет над гунарой, и увидел старый Илько много колхозов на земле. Хорошим он похвалялся и сказал:

— А мы будем работать еще лучше вас и сделаем свой колхоз самым богатым на земле!

А плохим колхозом он сказал так:

— Богатство трудом да дружбой делается. Плохой у вас колхоз, и я стыжусь, что вы называете колхозниками.

И сказал колхозники:

— Твоя правда. Только не говори пока Михаилу Иванову про это. Мы лучше будем работать!

И повел свой самолет Семка в другие страны, да его не пропустили.

— Нельзя колхозника Илько к нашим мало-одельникам пускать, — сказали заграничные урядники. — Нам колхозы ни к чему, потому что тогда наш царь с голоду помрет.

И сказал Илько сыну:

— Они нас боится. В Москву давай полетим.

И прилетели они прямо в Кремль. Товарищ Сталин вышел к ним навстречу и говорит:

— Заходи в гости, Илья Семьянович, сарку! выпей. Мне колхозники из жаркой страны хорошего вина подарили.

— Спасибо, — говорит Илько, — обещал я все колхозы на нашей земле, и много мыслей мне в голову приходит. И первая мысль — самая большая, — что боится нас заграничные урядники.

— Правда, правда, — говорит товарищ Сталин.

— А вторая моя мысль, что есть еще небольшие колхозы в наших тундрах, потому что люди грамотные не учатся. Книг мало читают и плохо знают историю, — сказал товарищ Сталин.

И это вторая моя мысль, что хорошо будут жить все люди на земле в скором времени, потому что каждый колхозник все сердцем стремится к нашим ленинским делам, товарищ Сталин. И на этом мои слова будут кончены, пойдемте к нашему чуму и выпьем сарку из южной колхозной страны...

И гостил Илько вместе с Семкой у всех народных комиссаров, потому что всем им лестно иметь другом самого почетного колхозника на земле — Илько Лантандера...

И гостил Илько вместе с Семкой у всех народных комиссаров, потому что всем им лестно иметь другом самого почетного колхозника на земле — Илько Лантандера...

«Скорей бы в колхоз уехать, — думает Илько, — там работы много, а я в году здесь, как лениный человек».

Он открывает глаза и обнаруживает на спине. Солнце залгло палату до самого потолка.

— Раньше я много боялся, — вздыхает Илько, — а это все-таки нехорошо. Урядники боялись, пока боялся, царь боялся, шмана тоже боялся. Плохо жила тогда. Если бы снова появилась моя жена, и совсем по-другому делал бы. Ясак платит отказывал бы, крестьян бы тоже не стал, а перед царем даже штыря не сния бы...

Вот вылезает Илько и вернется в колхоз. Когда на канюлях придет Семка, попросит его научить грамоте. Деньг за этот год Илько заработал немало. Он купит много разных книг и будет читать их своим пахам. Потом его выберут в председатели колхоза.

Когда колхоз будет иметь большое стадо и богатства столько, что его с трудом сумеют переписать все счетоводы, Илько пошлет телеграмму народному комиссару, чтоб тот продал его колхозу «Эт Яга Маль» хороший самолет. Мало ли у председатели колхоза дел?

То в Москву, то в Архангельск на разные с/езда вымазывают, а на оныхках быстро разве долезешь!

К тому же может заболеть кто-нибудь — пасть, например, или счетовод. Вот самолет тут дозареу и нужен. А летчик у колхоза будет свой — Семка, его сын. Обойдет, что он еще малыши боится — верный! Да привакает, Илько тоже боялся самолета, только об этом никому не говорил. И вот полетел. Он не для себя летит. Илько летит потому, что ему интересно жить на земле, пасти стада, давать советы молодым бригадиром, строить дома и учиться грамоте. Да мало ли интересного есть на земле!

— Лишь бы ему вылезаться. Он дни в ночь не будет спать, только бы вернуться в родное стобинце и снова работать старшим бригадиром... Вот он на колхозном собрании. Он говорит о больнице, детских яслях, самолете в тракторе. Богатому колхозу все хорошее надо иметь... И чудится Илько, что Красный чум с русской учительницей приехал, чтобы всех колхозников грамоте учить...

Незаметно пролетает короткий весенний день. Уже давно закатилось солнце, и когда вспыхивает лампочка на потолке, видения Илько бледнеют и гаснут.

— Утром в палату тихо входит сестра с врачом. Мечется в бреду парня-тракторист, летчик Тоню Ковьялену к своему другу.

Врач умно наклонится над спящим лицом Илько Лантандера.

А когда из-за дальских гор выходит солнце, санитары осторожно распахивают двери палаты и на носилках выносят вытнувшегося тело Илько Лантандера.

Море — учи

В. ВИКОРОВ

Фото М. Роймана

Когда солнце переваливает за горизонт, выходит на корму корабля горнист. Высоко к небу поднимает он трубу, и где бы ни застлели морская трубные звуки, застывают они в положении «смирно», лицом к середине судна.

Спускается флаг. Вахтенный начальник командует «вольно». Море плещет в борт «Товарища»...

На полуоблаке собираются моряки-практиканты. Они любят посидеть вечером на кошмо, как слоновый бивень, бугарсприте, полежаь на парусах, послушать рассказы боцмана Адамча.

Адамча выбирается на полубак по крутому трапу. Сперва показывает черный бережок с помпоном, затем брезентовая роба, расстегнутая в груди, и вот он весь тут как тут, старший боцман «Товарища», Осип Адамович Хмелевский.

Старый боцман окружен плотным кольцом молодежи. Это студенты морских техникумов из Херсона, Архангельска и Ватуни. Они съезжались в Одессу, чтобы отсюда на паруснике «Товарищ» выйти в море в свой первый рейс.

— Осип Адамч, расскажите, как плавали раньше!
— Расскажите о самом сильном шторме... Как в Аргентину ходили... Спойте морскую песню...

Пятьдесят лет плывал на парусных судах боцман Хмелевский. Ему было десять лет, когда он увидел в море на баркасе «Коккордия». На родину вернулся шестнадцатилетним юношей, Хмелевский стал матросом судовадельца Пухерта, плавал в южных морях, тогда, пережила ужасные штормы Атлантики, Ледовитого океана и Бискайи. Двадцать лет назад он пришел на парусник «Товарищ». За эти годы через руки старого боцмана прошли почти все молодые советские капитаны. У Адамчи они учились морской науке...

Трудную, большую жизнь прожил Адамч. Дважды в старое время пытался этот прекрасный мореход сдать экзамен на штурмана, и дважды сапожные капитаны проваливали его на пристяхах. Во второй раз его проваливали на финге. Финг называется один из бесчисленных морских узлов. Адамч знал, как вязать сотни узлов, сумел бы он связать и финг, но забыл, что это за узел. Ну и поднесли боцману под нос финг. Куда лезешь, мол, матросская шкура! Так и проплавал он всю жизнь матросом.

— Что же, спеть вам песню, что ли, друзья мои? — говорит Адамч и заливает надтреснутым фальцетом:

«Любо смотреть на красу такелажную,
Вашей фрегат хоть куда.
Смело вперед, мореходы отважные,
Ваша отрада — волна.
С песнями в плаванье
В море мы выжили,
В рефях восьмью паруса.
Со свистом сердитым играючи справимся,
С ветром свершим чудеса...»

Звездная южная ночь. В порту переключаются паровоз. Искрятся огнями, отваливает от пристани теплоход...

— Красная песня, — говорит Адамч, — только полному матросу — мало песни нет. Полный матрос много должен знать. Как реи повернуть, как паруса поднять, где какая снасть расположена. Но и песня надо знать. Морик должен быть всегда веселого характера.

Утром «Товарищ» должен уйти в море. Полтора месяца молодые моряки прождали на корабле у берега. Когда они впервые увидели судно, его стройный бело-черный корпус, пятидесятиметровые мачты, обшитые латунной снастью, многим показалось, что никогда не разберешься в этом хаосе.

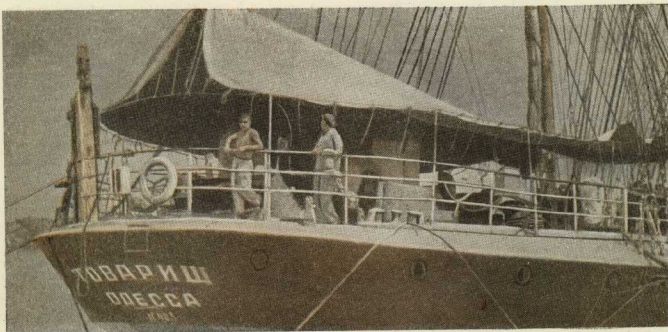
Сто семидесят практикантов были разбиты на три вахты, и к каждой вахте прикрепили мату. Первая вахта получила фок-мачту, вторая — грот, а третья вахта стала хойской второй грота и бизань-мачты, возвышающейся над кормой.

— С правого борта через марсовую площадку пошел наверх! — раздалась протяжная команда с капитанского мостика.

На пятый вель, утром, объявлено было первое рангоутное учение. Разом три верхних людей потянулись к верхнему мачт, и в то время, когда верхние уже были из бом-брас-реев, нижние еще только начинали подым.

Когда молодые моряки немного освоились, каждый получил свое место на реях. Наиболее легкие и быстрые были расписаны на бом-брас-реех. Это самые верхние паруса, которые старые моряки называют новыми платками. Те, кто покрепче, стали работать на брас-реех. Сильные и ловкие ребята получили верхние и нижние марсыля — широкие прямые паруса, занимающие всю среднюю мачту. Рослые силачи расписаны были для работы на гроте. Это самый большой и трудный парус. Он весит 40 пудов! На рее грота работают 18 человек.

Рейта стоит, опираясь ногой на перты — канаты, протянутые от одного конца реи до другого. Попробуйте убрать или вставить парус, когда ваши ноги упираются в такой канат, а шквалистый ветер слышит ваши глаза и скрывает руки. Но и в дождь и в шторм по первому сигналу должен броситься моряк к своей мате, к своему парусу. И пусть

Практикант «Товарища» в Одесской порту.

Капитан «То...

Тель

плывет под ним корабль, пусть пружинят мокрые паруса,— работа должна быть сделана.

Последние раннеутренние учения, ночные вахты подготовили команду для предстоящего похода. Практиканты-моряки привели в порядок корабль.

И вот наступил долгожданный час отплытия.

Для буксира: «Гаргуя» и «Сименз» — подошли к корме и носу «Товарища». На мостик вышел капитан-орденоносец Алексеев.

Капитан сам провёл школу парусника «Товарища». Как и все его помощники и инструкторы, капитан ходил на паруснике практикантом, работал коком на втором гроте — там, где сегодня будут работать хорюны из третьей вахты. И капитану было волнение ребят. Товарищеский момент отхода в море... Эти минуты волнуют не только взрослых, но и старых моряков.

Зарисовала якорная цепь. Полоса воды легла вдруг между «Товарищем» и суши. Это было так же неожиданно и незаметно, как отрыв самолета от земли. Грозная команда пронеслась по судну:

— Что это за хобдба на аврал? Ветом!

И вместе с ветром дохнуло на всех морским походом.

Видела берега, крутые рыхие берега Одессы.

Дет злой-ветс. Это самый неблагоприятный ветер. Он жмет нас нама к берегам. С таким ветром тяжело и думать о плавании. И на право ждут ребята трех свистков общего аврала. С печальным звоном улетит свист в воду якорная цепь. Мы в море, но мы неподвижны.

Мимо проходит танкер и поднимает три флажка. Сигнальщик Гусаров дифференцирует три буквы — «РШХ»: «Хорошего плавания, счастливого пути».

В бортом плещется открытое море: как оно близко... и далеко... В бортом по расписанию начались занятия по навигации, лодии, парусному делу. Но каково зарисовывать в тетради стоячий и бегущий тизма, когда перед глазами все те же сухие мачты со свернутыми парусами, все те же неподвижные блокы...

На вечер, когда все уже потеряли надежду, вдруг прозвучали один, второй и третий свисток. И уже вдогонку бегущим со всех концов неслась зычная команда старшего помощника Шимонова:

— Всем вавелх! С якоря сниматься! По реям! Поднимать паруса!

Моря бросились по канатам наверх. Каждая вахта хотела первой окрестить свои мачты. Шло соревнование на ловкость, сметку, быстроту.

Паруса, плотно скрученные и прикрепленные к реям канатами, надо обсабдять, и как можно быстрее.

Паруса реи, наполняются пауба. Ребята стоят у шпастей и ждут кокомы.

Видел фал!

Моряк, ухватившись за снасти, единым порывом тапнут их за собой.

На десятки метров вытягиваются туго скользкие в блокях канаты.

И реи — эти широкие плечи мачт — медленно поворачиваются.

Взгляните наверх! Уже наполняются ветром верхние и нижние брам-села, вздрамывают во весь рост необуянные гроты. Еще мгновение — и разорвется могучие нижние и верхние марсели...

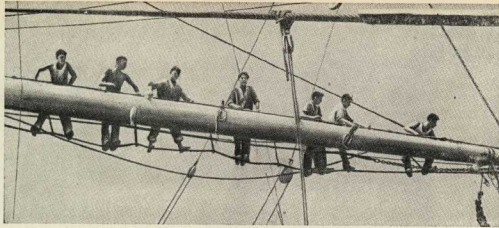

Поедем фортгалсела. На снастях работают практиканты Каложный, Подберский, Инкеревели, Бояринов, Павлова и бругие.

ририца П. Алексеев.

Боцман Адамья рассказывает молодым морякам о том, как плавали ранние.

Рабочие учения. Матросы расходятся по фок-рее.

Утром матросы ночной вахты расквашивали, как один из бойманов, сидя у бизань-мачты, глядел ее ладью и шпел — ветер принавивает. «Вот сушеные старые морские», — удивляется молодой.

А ветер не. Штиль. Солечная тишина. Голубое небо. Голубое море.

Не шлохотят полосатый «колдун», подвешенный к вершине бизань-мачты. — Можли красит шлюпки. Звенит железо. — Аювет у мыса Тарханкут подхватит ветерок... Говорит вахтенный начальник, третий помощник капитана Николай Корузи. С этим подвижником сухоумым юношей любят стоять на вахте практиканты. Николаю Корузи двадцать шесть лет. Он прекрасный штурман.

В разных концах корабля идут занятия. На полубаке, среди снастей, преподают второй вахте такелажное дело инструктор Николай Обертас. У всех в руках обрешетчатые канавы. Ребята учатся вязать различные морские узлы: кнопы, крауши, маты, сплесни... Это парусная хирургия очень важна в морском деле, а особенно на парусном судне, где дажежные парусов — движение сотни снастей. У второго грота третьей вахты звучат паруса. Инструктор этой вахты Георгий Икономо — большой знаток парусного дела. Он может вынуть извощу любую снасть, в гардеви, и шкот, и брасы, и ырало. Он требует от учеников такой же быстрой и точной работы. У него все горит в руках. Ученики Георгия Икономо считаются лучшими по парусным работам.

Третья вахта быстрее всех ставит и убирает паруса, в третьей вахте лучше ковоные (матросы, работающие на концах рей; от их ковоных зависит сложная работа всех остальных).

На корме, у компаса, занимается первая вахта со своим инструктором Николаем Александровичем Антоновым. Морские учатся управлять поставленными парусами. На паруснике курс движется ветром и рулевой так держит судно, чтобы не вылететь из-под ветра. Рулевой подглядывает одним глазом на компас, вторым — на паруса...

Тишина. Волнистый горизонт. Но никто не сидит без дела. На парусном судне нельзя терпеть расслабленности так же, как перетертых снастей. Не даром так часто звучит здесь команда: «Крепни!»

Люди крепят снасти, людей крепят дисциплиной!

Наступает вечер. Под темным куполом южного неба где-то по середине Черного моря затерялся наш «Товариш».

Темно так, что не видно парусов. Но вспыхивает мощный прожектор и освещает вышущую, почти скелетную громаду мачт. Рулевой провернет, как работает ветер.

С утра «Товариш» движется курсом бедняво правого галса под всеми парусами и ковынями парусами.

У руля стоит Лида Снежкова, высокая крепкая девушка, как и все матросы на «Товарише» одетая в брезентовую рубу. Она из Крывого Рога. Кончила 8 классов и решила идти в морской техникум.

На «Товарише» пять дежурств-практикантов. Как и ребята, они работают на реях, несут вахту, стоят у руля. Девушки до прихо-

да на «Товариш» не была. Но и дочь колхозника с Полтавщины Барвара Лоб, и Соня Алексеева из Каменки-Подольской, и Нина Литвиненко из колхоза Кировоградской области работают на снастях не хуже ребят.

Вечером задул норд-ост. Ночь темная, моря не видно.

По кораблю идет бойман Адамч с грустной ребит. Он останавливается у бизань-мачты, перебирает в темноте снасти и охрипшим за день голосом показывает, как надо наловить находить нужной копец. Адамч приговаривает: — Попробуем, как вы знаете...

Целый день молодые морские расспрашивают Адамча о снастях и парусах. Старый бойман знает все на судне. И ему не жалко отдавать ребиты и короткие часы ночного отдыха...

Штиль снова держит нас в своих лапах. «Товариш» не слушается руля. На линах лодель аниат. Удивительно, как расслабленно действуют штаны на настроенные конопки. Поскудела лина юрков...

Радио развост по всему кораблю передаю: «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер». А ветер нет. И песен никто не поет.

Прожектор освещает паруса. Там, в вышине, ребята совершают ночной туалет корабля: убирают на ночь бомбрасселя, чтобы их невзначай не сорвало ночным штормом. Ребята заканчивают работу, когда дышанье шторма прошло по снастям. Наверку оставшаяся стало опасным.

— Эй там, на бомбрасселях, выши! — кричит вахтенный начальник.

Ожили не только паруса, но и матросы, слышится веселый говор, на линах улыбки.

Мы уходим от берега в темное море...

Утром, совершенно неожиданно, нам оказалась на траверзе Феодосия. В бинокль видно был мас, за которым начинается широкая Феодосийская бухта. Близок конец похода. Но кто знал в это утро, что нам суждено еще сутки мотаться в море!

Внезапно попутный ветер покинул наши паруса. Серая тишина. На море начался мертвая зыбь. Пошел дождь, и на палубу стало скользко. Вахта надела венецеры (промоленные плащи). Паруса почернели. Мы метались на мертвой зыби и жалли на море погоды.

Потом ветер снова подхватил судно. Почти черная дымка бортом волж, карендрешина, словно маленький шверботик, неся «Товариш». Порывы ветра доходили до десяти баллов.

В эти минуты молодые морские работали на славу. Дала была команда спускать паруса. Пошли вниз брасмеля. Обнажились сухие хребты мат. Голова команды издала громко слышную глухо, как из-под мокрой парусины. Люди работали на реях под дождем. Паруси казалось, что порывы ветра вот-вот сорвет их с реи. Вспоминались рассказы о штормах, когда ветер рвет парусину с пучечным грохотом и ключит лачи в море...

Люди готовы были каждую минуту к спуску всех парусов. Провлаженные силачи из третьей вахты вставали со своими ковоными — мы соком илестным блондином Васильено и смуглым крепшмом Челндазе — с трезгой поглядывали на круто выгнутую громадину своего паруса.

Шквал протесся. Но дул упорный норд-ост. При таком ветре войти в бухту было очень трудно, а стать на рейде почти невозможно.

Ветер дул с берега нам в лоб. «Товариш» ходил галсами, зигзагами, только краешком парусов улавливая ветер. Каждые два часа свиетки общего аврала вызывали команду наверх:

— Пошла брасы!

Напрягая все силы, люди тинули снасти. В самый трудный момент, когда парус секудил линию ветра, люди на несколько секунд неподвижно повисали на снастях и снова продолжали работу.

В три часа ночи люди сквозь сон снова услышали три свистка. Всюточа с коек, моряки выжидали на палубу. Качались фонари, за бортом что-то шипело, повисывало. Глаза слезились от сна и тупого ветра. Где мы? Где море? Где земля? Все на то же место, за левым бортом, мерцали огоньки Феодосия.

И вот, какой уже раз за эти сутки, с мотика раздался слова команды:

— Пошел первый грот!

— Пошел второй грот!

— Прямо руля!

Люди делялись за брасы, повисали на них и с криком «гор-тебей!» тинули снасти. Это звучит эти слова, никто не знал, но они помогли работе. Адамч вывел их откуда-то из Южной Америки.

За эти сутки было двенадцать обших авралов. И никто не знал, сколько их еще предстоит аврала.

Под утро удалось сколько из галсов проскочить в 20-мильную Феодосийскую бухту. Теперь был уже виден гора. Казалось, пусти судно прямо, — через полчаса можно бросить якорь на рейде. А «Товариш» снова поворачивался и уходил к противоположному берегу бухты. Ветер сбивал судно с курса.

На мостике решан гошоволому задачу, как при прогнаном ветре кончить дело ути кантеле, дать отдухи замученной команде.

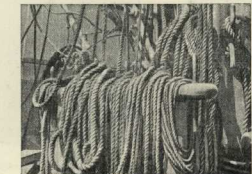
Наконец, к двум часам дня, мы сделали последний якорь и пошли прямо на берег. На полубаке второй помощник капитана Куценко приготовил к отдаче якоря. Опи за другим пошли вниз паруса, и вот уже береговая тишина, как сон, навалилась на судно. За бортом покачивался каменистый южный горючок...

Как крепко спали молодые морские! Их не интересовало сейчас ни море, ни земля, ни чертестя пройденных миль...

В солнечный день все свободные морские «Товарища» отправлены в гора. Да, сразу чувствовалось, что это идут морские, люди, хорошо поработавшие в море.

В конце главной улицы Феодосия, на берегу моря, стоит двухэтажный старинный дом. Здесь жила и работала художник-маринист Айвазовский. Всею жизнь он писал море, бурное и спокойное, светлогорное и серое, пустынное и оживленное белыми парусами фрегатов. Морские «Товариши» пришли в галерею Айвазовского и смотрели на его картины. И может быть, только сейчас почувствовали они, что им удалось повидать за эти дни...

После пятидневного отдыха «Товариш» снова вышел в открытое море, туда, где можно встретиться с покатой бафторской волной... к берегам Абхазии...

В СТАРОЙ

С. АНДРЕЕВ-КРИВИЧ

В конце шестидесяти и начале семидесяти годов пятнадцатого столетия по центральным областям Индостана странствовал некий путешественник, который называл себя Хозяин Исфур Хоросани. Он оставил записки, которые по своим достоинствам стоят во многих отношениях выше записок европейцев, побывавших в Индии в этом столетии.

Но путешественник, оставивший эти интересные записки, только прикрывался именем Хозяина Исфура Хоросани. Был же он на самом деле торговцем кушачами Афанасием Никитиным.

Очень высоко оценил «Хожение за три моря» Карамзин, которому принадлежит тоже открытие записок. Он писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний европейских путешественников в Индию принадлежит России Иоанноу Веку».

Академик Срезневский писал: «Записки Никитина о странствиях по Персии и Индии в 1465—1472 гг., памятник в своем роде для своего времени, — такой же полнейший единственный и важный, как «Слово о полку Игореве». Сравняв их с записками европейцев того же столетия, Срезневский пишет: «Бенефиции дит Коити (1444), творца Никитина (1472) и Симеона де Гама: вот от кого осталось важнейшее записки об отдаленных странах Южной Азии XV века... Путешествие последнего несравненно по значительности по последствием зато наблюдению двух первых гораздо ценнее по обилению и содержанию, — и Никитин в этом отношении должен быть поставлен выше дит Коити».

В 1466 году у великого князя московского Иоанна III был послан от владетеля Шамаху ширваншаха Ферух-Есара. Иоанн послал к Ферух-Есару ответное посольство во главе с Василием Пашманом.

Прославив о посольстве в Шамаху, будущий Хозяин Исфур Хоросани снарядил в Гаери вместе с товарищами два судна, нагружил их товарами и, выходя в проливовую гавань от великого князя тверского, получил благословение владыки Геннадия, появившись на собор Св. Спаса Златоверхого, поехал вниз по Волге.

Так началось «Хожение за три моря»: Каспийское, Аравийское, Черное.

Никитин и спутники наделались присоединиться к московскому посольству в Нишлен Новгорода. Но, придя в Нишлен, они уже не застали Пашмана, уехавшего раньше, и потому присоединились к возвращавшемуся несколько позже послы ширваншаха.

Всю Волгу прошли путешественники без особых приключений. У Астрахани случился первая беда: их ограбили.

На Каспийском море, у Тарки, буря разбила одно из судов. Плывшие на нем люди в явном горьком отчаянии. Никитин плыл уже в Дербенте он начал русского посла Василия Пашмана. Остальные же пленники были освобождены только в результате заступничества ширваншаха.

Приехав ко двору Ферух-Есара, дважды ограбленные купцы вынуждены были просить ширваншаха, чтобы нас пожаловал член дойти до Русии. В походе в Нишлен, они уже не застали Пашмана, уехавшего раньше, и потому присоединились к возвращавшемуся несколько позже послы ширваншаха.

Побывав в Баку, Никитин упоминает о знаменитых «неугасимых» огнях, которыми покрывались как божества огнепоклонники. Эти огни — на поверхности нефти газ, выходящий из трещин в почву земли. Древние храмы огнепоклонников сохранились доныне в окрестностях Баку. Такие же огни горели еще несколько лет тому назад в Дагестане. Теперь эти горючие газы заводят в трубы и используют стекольным заводом «Дагестанские огни».

По персидским землям Никитин путешествовал свыше года (конец 1467 — начало 1469 года).

Дойдя до берегов Персидского залива, Никитин останавливается в Ормузе (Гурмаз). Этот небольшой остров, расположенный недалеко от берега, в то время имел мировое значение. Здесь производился крупный торговый обмен Западом и Востоком. «Если бы мир был между Ормузом был бы жемчужной в нем», — говорил в то время на Востоке.

Многолюдное богатство, обилие всяких товаров поразил Никитина. Говорит он и о необычайной ормузской жаре: «А в Гурмазе есть варное солнце, человека сжигает».

Жар в Ормузе действительно необычайна. Марко Поло, побывавший в Ормузе во время своего знаменитого путешествия на Восток в XIII столетии, рассказывает такой случай. Владетель Ормуза не заплатил дань керманскому царю. Царь собрал многочисленное войско — 1600 конных и 5 тысяч вских воинов — и послал его на Ормуз через песчаную степь. В степи войско было застигнуто гурманским ветром — ливном. Оно все погибло, за исключением эмир турков. Керманского царя немому было даже известить. Жители Ормуза, боясь заразы, вышли в пустыню, чтобы захоронить мертвых, и нашли их совершенно испеченными. При одном прикосновении куски мяса отделялись от туловищ.

Прожив в Ормузе месяц, наш творец отправляется в Индию. На хлипуск суденышко долгие плывет к бурному Аравийскому морю.

В Индии Никитин приехал в конце апреля 1469 года.

Долгий срок, на который Никитин остался в Индии (без малого три года, дольше чем в каком-либо другом месте), и самое главное то, что в своих записках он говорит о ней так подробно, как ни о каком другом месте, доказывает, что Индия очень заинтересовала его.

Никитин описывает быт индусов, их общественное устройство и экономический строй, те исторические события, свидетелем которых ему довелось быть, обнаруживая во всех описаниях много ума, наблюдательности, толковости, остроумия.

На индийский берег Никитин высаживается в Чауде. Первое, что поразило его, когда он приехал в Абхеттино-Индю, — это внешний вид людей. Люди ходят почти совершенно голые и, лишь когда немного холодает, надевают на себя шорты* — и то только «князи и бояре», остальные же так и продолжают ходить без них, лишь кое-как прикрываясь.

Из Чауды Никитин отправляется в Бидар. По дороге он проходит ряд городов: Паши, Уми, Жунаур, Кулонгер, Калбару. В Бидаре, где он остановился, Никитин думает, что это столица великой Индии, наш творец обосновывается и отсюда совершает свои путешествия по Индостану, предпринимая с торговыми целями.

Многолюдный, богатый, великий большое торговлю, славившийся пышной роскошью сво-

их султанов Бидар был столицей Декана. И до сих пор величественные развалины говорят о былом его могуществе. Никитин подробно описывает Бидар, его торговлю, внешний вид, великолепные выходы бидарских султанов, рассказывает он также о войне, которую вел в это время Бидар против Синдара-раджи.

Первую поездку Никитин совершает в Агалад — на ярмарку, которую устраивал там ежегодно. Вернувшись в Бидар, он живет в нем около четырех месяцев.

Никитин быстро сходится с людьми, с которыми сталкивался во время своих странствий, и поэтому за эти четыре месяца «познает со многими индусами».

Никитин существовала разнь между мусульманами и теми индусами, которые сохранили свои древние языческие верования. И когда Никитин признался своим новым знакомым, которые не принадлежали к мусульманам, что он вовсе не мусульманин и не Хозяин Исфур Хоросани, а «Офонасе», то это окончательно расположило их в его пользу.

Когда подошел индийский праздник Сиваратри, с. е. о., посвященный богу Сиву, то многие друзья пригласили его посетить вместе с ними священнейший город индусов Парвату. Присущая Никитину любознательность заставляет его согласиться. Для него, торгового человека, имело также большое значение то, что в Парвату во время Сиваратри устранилась ярмарка.

Никитин побывал в легендарной Голконде, в окрестностях которой находились богатейшие месторождения знаменитых индийских алмазов.

В 1471 году Никитин распространился с Бидаром окончательно. Пронувествовав еще несколько месяцев по Индии, он в начале 1472 года приходит в приморский город Дабулу.

Здесь «кожаный рабине Афанасе» окончательно затосковал по родине и «устремился умом пойти на Русь».

Записки об обратном путешествии Никитина очень кратки.

Просьям море, Никитин старым путем — через Персию — возвращаетс домой. В это время в тех местах, через которые делал путь Никитина, шла война. Поэтому ему пришлось идти обходными путями. Возвращается он не по Каспийскому морю. Выходит в заливот Адриатико на запад, к Черному морю — в Трапезунд. Никитин подвергается по приезде обыску, как приехавший из гримей Узун-Асана, знаменитого в то время торговца западноазиатских стран. Ну и, конечно же, при обыске все, что делось добренька, сами выграбили в Крым.

Никитин пускается по морю в Ара. Была уже поздняя осень. Кое-как добравшись он до Балыкляма, оттуда направляется в Кафе. Здесь Никитин мог сказать с облегчением: «приехох же три моря».

Каким путем шел Никитина дальше, направлением к родине Твери, — неизвестно. Из летописей, в которых занесено «Хожение за три моря», мы узнаем, что он умер, не добрав до Смоленска. Записки же его были доставлены в Москву. Под 1475 годом «написание Офонасе утверждения кушача» внесено во вторую Софийскую летопись.

То, что дошло до нас, представляет собой, очевидно, только материал, который Никитин, вероятно, обработал и доложил им. Но и в таком виде записки Никитина являются одним из самых замечательных описаний путешествий, совершенных европейцами в Индии в пятнадцатом столетии. Являю со знаменитыми восточными европейскими путешественниками на Востоке следует поставить имя русского человека — творца Афанасия Никитина.

Разговор с Чапаевым

В годы, когда молодая Республика советов отражала натиск соединившихся интервенции и контрреволюции, народные массы выдвинули из своей среды талантливейших полководцев. Луханский слесарь Еким Ворошилов начал эпоху Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Налотом вынужденны враги советского народа до страшных ударов, которые наносил им сын паровозного машиниста Шлюк, Бит и гнал польских шавер рабочих Пяременко, Григорий Котовский уничтожал полчища Дятлова и Делюкина. Вечно будет жить в памяти народа доблестные защитники великой Страны советов. И среди них один из легендарнейших героев — сын деревенского плотника Василий Иванович Чапаев.

Неуграженный воин, на чьем коню преследовали враги, — таким предстает перед нами Чапаев в скульптуре, которой украшают павильон «Волговец» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Таким мы знаем Чапаева по многим боевым эпизодам. В бою под Таволжанкой Чапаев во главе 1-го полка армии Емельяна Пугачева отразил притуплен и разгромил его, взял 60 пулеметов и 4 тяжелых орудия.

Но Чапаев был не только бесстрашным бойцом: он был одареннейшим полководцем-организатором. Не даром Чапаев сражался под начальством Михаила Виноградина Фрунзе, не даром комиссаром 25-й чапаевской дивизии был стойкий большевик Дмитрий Фурманов. Чапаев учился у них быть командиром-большевиком. Он бесстрашно несомненно дисциплину и поручавшему, вводил в своих частях железную революционную дисциплину. В мае 1918 года Чапаев соединил разрозненные красногвардейские отряды в регулярную бригаду Красной Армии и был назначен ее командиром. В июне того же года 4-я армия советских войск оказалась под угрозой разгрома. Командующий этой армией, бывший царский полковник, бросил ее на произвол судьбы. Чапаев, не страшась ответственности, принял на себя командование и блестящим маневром вывел армию из окружения.

Чапаева безгранично любили его соратники — бойцы и командиры. Когда в Пинские Белозаванки окружил штаб 25-й дивизии, товарищи на руках вынесли раненого Чапаева на бой. Но им не удалось его спасти: Чапаев погиб от пули врага.

Бит Чапаева тремит везде, где народные массы борются против поработителей и интервентов. Именем Чапаева был назван один из батальонов героических интернациональных бригад, сражавшихся в республиканской Испании. О подвигах Чапаева мечтает советская молодежь.

На снимке: скульптура Бааландия Чапаева, установленная на башне павильона «Волговец» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Пришли к Чапаев ребята.
— Товарищ дядя, Ване — пить,
А мне уже пошел девятый,
Мы тоже будем воевать.
— А как зовут тебя?
— Сережей!
— А не распахнется... в дыму?
— Нет, не распахнется!
— Ну, что же?
Раз так — так так! Приму, приму!..
«Бойцам» вручают две винтовки.
— А как стрелять-то?
— Ай-ай-ай!
А говорили: мы из ловких.
К себе, мол, дядя, принимаю.
Что ж делать, братцы?..

Трудновато
Придется мне без вас — беда!
Но вы еще малы, ребята,
Вот подрастаете, а тогда...
Тогда ко мне, А я: Сережа!
Ванюша! Вы ли? Хоронит!
Да только уж тогда, Сережа,
Врагов не будет ни души!
Со всей земли прогоним взащей,
Прогоним бешеных собак!
Вся, вся планета будет нашей —
Советской! Петька, что? Не так?
Ступайте же расти, ребята.
Я постарюсь и за вас.
Ступайте...

И ушли два брата.
И выросли. И пробыл час.
Стоял Сережа на кордоне.
Стоял, берег страну свою,
Винтовка стиснута в ладони:
— Эй, самурай, смотри — свалю!

Но сразу двадцать самураев
Напали вдруг на одного.
Стрелял Сережа, как Чапаев!
Но пули обожгла его:
Когда на помощь подоспели,
Он все еще хотел стрелять.
С последней каллеи силы в теле
«Где брат?» — успел он прошептать
И умер.

И услышал Ваня
Такой родной далекий зов.
И на границу вышел Ваня
И стал бойцом среди бойцов.
Стоит, границу охраняет
Сквозь ночь, не жмурит сам сова!
В ночи тревожной вспоминает
Чапал твердые слова:
« — Со всей земли прогоним взащей,
Прогоним бешеных собак!
Вся, вся планета будет нашей —
Советской! Петька, что? Не так? »
Он слушает: шипит ли, ветер
В реке затронул камыши?
Врага он меткой пулей встретит!
И будет так, пока на свете
Врагов не станет ни души!

СТРАНА-ЛАБОРАТОРИЯ

1

У самой столичной околицы, в московском пригороде Пушкинском, на площади в 136 гектаров, раскинулся невиданный городсад.

Подмосковный лес расступился перед строителями, сосны потеснились перед зелеными пришельцами из других мест. И вот уже сегодня, скромяно, многим незнакомое презре, село Пушкинское стало сразу знаменитым, получило мировую известность.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка!

Посетитель проходит через сквиозину и в то же время монументальную арку. Благоухающий прибой цветов встречает гостя на аллее, ведущей к площади Колхозов.

Дворцы-павильоны Грузии, Узбекистана, Армении, Украины, Дальнего Востока, Поволжья, Азербайджана, Сибири, Московской области обступили площадь Колхозов.

По середине площади бьют фонтаны. Путь восток относит к стороне воюющей нивы. Солнечные лучи преломляются в водной завесе топа, и в центре площади возникает радуга, совсем как во время «слез» дождя. Пана путешествие только начинается. Мимо павильонов Белоруссии, Башкирии, Таджикистана мы спешим на площадь Механизации.

В центре ее исподнилась статуя товарища Сталина, организатора и вдохновителя великих побед социализма.

И днем и темным августовским вечером, когда над территорией выставки возникает электрическое зарево и даже самые яркие фонари кажутся желтыми при свете прожекторов,— отчетливо видна эта величественная фигура человека с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата* (Анри Барбюс).

Тринадцатидеятметровая фигура великого Сталина выдвигается вперед и павильоны «Механизации» — громадный ангар, сооруженный из железа, гранита и стекла. Он вмещал под свои серебристые своды разнообразные машины — орудия механизированного сельского хозяйства.

Десять лет тому назад, в год великого перелома, товарищ Сталин произнес пророческие слова о том грядущем времени, когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор.

В вострой, шумливой толпе, омывающей пьедестал статуи около павильона «Механизация», можно встретить сегодня бывших мужиков, посаженных когда-то волей большевистской партии на тракторы и автомобили. Ниче все эти «мужики» — представители колхозной интеллигенции, люди, осуществившие великую смену другой промышленности в деревне, заслуженные мастера машинизированного сельского хозяйства.

Каждый трактор, комбайн, каждая сельма, автомашина, молотилка, выставленные в павильоне «Механизация», индустриальными тысячами и тысячами подобных машин. Уместно напомнить, что в сельском хозяйстве страны известно свыше полумиллиона мощных тракторов, 165 тысяч комбайнов, свыше 800 тысяч грузовых автомобилей.

Нужно уметь прочесть эти цифры и почувствовать их пафос. Они говорят о победе генераль-

ной линии партии, о нерушимости колхозного строя. Павильон «Механизация» дает нам ключ к пониманию всей выставки, раскинувшейся вокруг опытных делянок, садами-лабораториями, показательными огородами, образцовыми скотными дворами и крольчатниками.

2

В чудесном городе — где нет и признака музейной неподвижности, мертвого архивного косяка.

Живет своей обычной, будничной жизнью раздвал «Новое в деревне». В почтовом отделении сельсовета штемпелуют марки на письма. В ремонтной мастерской МТС стоят разобранные тракторы, люди в комбинезонах шлифуют колесчатый вал.

Нелюдуюку от этой деревни гудит турбина гидроэлектростанции.

Крупнейший сахарный завод вырабатывает сахарный песок. Сетевники могут проследить за тем, как грязные бураки превращаются в белоснежные песчинки сахара.

Экспонаты плодятся, надуваются соками, прибавляют в росте и весе, ошпариваются, цветут.

Пчелы собирают мед. Пчельники им в плодовых садах, в частниках и оранжереях выставки, на лужайках, засеянных клевером, люцерной, люхойной викой, Пчелы не стесняются залетать и за «ползничной круг», к павильону «Арктика».

Коровы продолжают давать рекордные удои. Кренут ростки трехдюймового хинного дерева, еще не успешного освоения на новом местожительстве.

Чистокровный русский рыбак «Удаль», европейский рекордист и чемпион выставки, совершает ежедневную вечернюю прогулку по кругу.

В инвентаре — прямо на глазах у публики — из них выкуляются маленькие чималты. Им посвящаются статьи экспонатами с самого дня своего рождения. Среди живых экспонатов есть поросята — также уроженцы Всесоюзной выставки.

Выставка давно открыта, но участники ее еще продолжают посылать свежие экспонаты на свои стенды, в свои павильоны. Каждодневно на самолетах и в изотермических машинах едут в Пушкинское со всех концов страны персики, мед, шелководные черви, листья тутовых деревьев, дыни, папосная икра, орехи,

лимоны, апельсины. Экспонатами не позволяют морщиться, вянуть, черстветь.

В устройстве выставки чувствуется благодарная забота о том, чтобы все, создавшееся наглядным, предметным, ходочивым, доступным для изучения, убедительным. Экспонаты на выставке играют роль наглядных пособий при изучении той или другой отрасли хозяйства.

3

Не один только шофер, трактористы, комбайнеры, штурвалыные машинисты, проводники поездов, побывавшие в павильоне «Механизация», прежде чем отправиться в дальнейшее путешествие, побывав в павильоне «Любима», познакомиться на отборках коров и овец, понаблюдать за работой колхозной птицеводческой, взглянуть в черный поликарбонатный куб павильона «Нефть», прогуляться по «снеге», разделенной делянки пшеницы и кукурузы, наведаться в индустриальную и, наконец, побывать в чудесном музеемном саду.

Дворки часами пронодают в павильоне «Садоводство». Работают люди интересуются устройством образцового пасеки. Хлопчоропы плативо высматривают подробности, касаются разведения речных бороз. А руководителю группы комбайнеров приходится чуть ли не силой отталкивать своих спутников от бабьюковой рощи и других субтропических зарослей, чтобы иметь возможность закончить маршрут экскурсия.

У многих посетителей в руках блокноты, карандаши. Люди на ходу делают торопильные записки. Сколько интересного нужно взять в заметку! Сколько поучительного нужно сохранить в памяти! Сколько людям следует рассказать по приезде домой о выставке! Сколько выслушать вопросов, просьб!

Нужно видеть, с какой предупредительностью и гостеприимной услужливостью знают, знающий толк в породистых лошадях, рассказывает о них своим соседям. Во всех павильонах можно встретить таких экскурсоводов-добровольцев, дающих объяснения в порядке самодеятельности.

Разве можно подсчитать число лекций-пятиминутки, прочитанных экспозитом у стендов, дельных, ватры?

Взвешая заинтересованность работой друг друга, широкий общественный кругозор,— может быть, одна из самых примечательных черт, свойственных людям советской деревни.

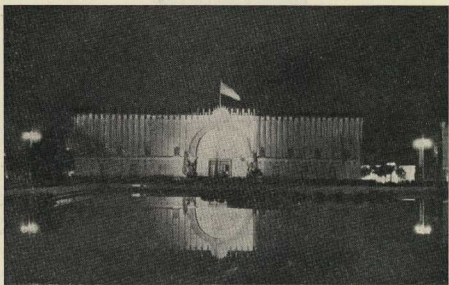
Давать лет тому назад Ленин мечтал о ста тысячах тракторов, которые помогли бы сделать крестьян коммунистами.

Места Ленина осуществлена уже давно, а Всесоюзная сельскохозяйственная выставка является всему миру доказательством того, как кровно связан крестьянин с колхозным строем, какой он горничный сторонник и ревностный строитель коммунистического общества.

165 821 человек из числа этих стропильных были удостоены права участвовать на Всесоюзной выставке. Она создала соединенными усилиями всех этих и многих других советских людей.

4

Когда путешествуешь по выставке, смотришь на стенды и витрины, слушаешь экскурсоводов, — радостно изумляешься обилию имен и фамилий, которые все время упоминаются.

Украинский павильон. Вид ночью.

Труда в нашей стране авторизован, он не обесценен, как когда-то. Поэтому-то мы слышим все время на выставке: ермовские звенья, английские нормы вешки, даченковские плантации, щипинская пшеница, борисские рекорды комбайновой уборки и т. д. В павильонах очень много портретов, целые фотогалереи.

Выставка являлась переключкой знатных людей советской деревни. Здесь происходили свидания знаменитых в стране комбайнеров, хлопкоробов, мичуринцев, дачников, которые друг о друге знали только понаслышке или были между собой в переписке, в заочном соревновании.

5

На выставке собрано немало диких видов растений и животного мира.

В павильоне «Плодоводство» лежит на полу огромная тыква. И угадали же ее родиться так величайшей! В этом же павильоне есть помидоры, такие большие, что их и шпатель не накроешь. Здесь есть огурец, который не съшь в один присест. Нам довелось видеть арбуз весом больше 30 килограммов.

В зале науки павильона «Зерно» можно найти многолетнюю пшеницу. Так пшеницы еще не знал растительный мир планеты: рожь идет о даче академика Цицина — пшенично-рожьном гибриде. Советский ученый повоевал двух зажиточных врагов: пшеницу и пырей — многолетнюю сорную траву.

Не менее редкостью экспонаты привели животноводы. В образцовых скотных дворах выставки обитает знаменитая корова «Лента» из породы шавеек, которая за год дала 12 623 литра молока. На издании одной такой «Ленты» мог бы находиться целый детский сад. На выставке гостит могучий бык «Горедор» весом в 1218 килограммов. Здесь можно познакомиться с коровой «Милько», жирность молока которой достигает четырех с половиной процентов. Из молока этой коровы за один год сбита масла больше, чем весит сама «Милька».

Даже горожанин редко пройдет с равнодушием мимо таких редкостей экспонатов. Но трудно видеть, с каким искренним восхищением останавливаются перед диковинами хлеборобы, огородники, животноводы. И чем больше свислун, искусен человек в своем деле, тем больше его радостное изумление, тем большим уважением проникается он к людям, вызвавшим его восхищение.

6

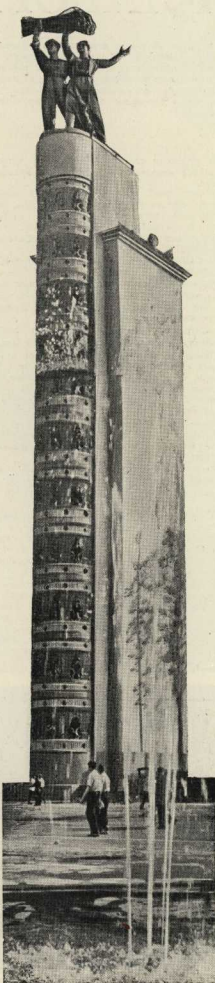
Но меньше всего выставка в Пушкинском может быть названа коллекцией редкостей. В том-то и дело, что каждое растение (домашнее животное), посаженное (поселившееся) в подмосковном парке, является только наиболее ярким выражением огромных качественных «сдвигов», происшедших во всех без исключения отраслях социалистического сельского хозяйства.

Немало миниатюрных деликат, огородов, крохотных земельных клочков с посевами можно найти на выставке. Но за каждым экспонатом скрывается работа огромного масштаба.

Тонкорунные меринские овцы повсеместно вытесняют у нас грубошерстных. Низкорослые фруктовые деревья, дички, не знавшие прищипки, облагораживаются. Улучшается жирность кожного поголовья. Зерновые карли рассеялись в оврагах вместо мелкой костистой рыбки. Чертополох отступает перед люцерной и клевером, неказистые, тощие «буренушки» уступают в коровниках свое место холмогорам, симменталам, швицам.

Трудно было найти в старой России два еще более отдаленные друг от друга понятия, чем «хата» и «лаборатория». Эти слова взаимно исключали друг друга. Так дачка была наука от крестьянина! А сейчас мы насчитываем свыше 20 тысяч таких колхозных лабораторий, свыше 1000 опытных станций и полей. Всюду идет научная селекционная работа.

Идет великий отбор лучшего из сокровищ животного и растительного мира, ширится обживание земли. Восточная выставка в Мокской отражает огромную созидатель-

ную работу, которую во всей стране лаборатория велет народ-опылтник.

Стоит упомянуть хотя бы о многолетней пшенице, с которой мы познакомились в павильоне «Зерно». Она не диковина, которую можно увидеть на одной какой-нибудь дачке. Ширятся опытные поля, засеянные пшенично-рожьными гибридами, растет армия помощников — подражателей, учеников академика Цицина.

В павильоне «Сибирь» можно увидеть пшеничное поле величиной в один квадратный метр. Любоно подсчитать стебли: их без малого 900. Отгороженная большими колосьями пшеница стоит плотной автарой стеной. Нет, это не убогий посев старых времен, посев, при котором, по народному выражению, «колосок колоска даруют».

На крошечной дачке представлен посев ермовской пшеницы. Экспонат в павильоне «Сибирь» перевезен на выставку с поля, на котором ермовские И. Е. Чуманов установил мировой рекорд урожайности пшеницы — 85,9 центнера с гектара.

Сегодня у алтайских опытников десятки тысяч последователей и учеников. Ермовские звенья создают посевы. Миллионы дачки на выставке представляют необозримые массивы ермовской пшеницы. Таков масштаб одного экспоната.

На сравнительно небольшой площади в 4,5 гектара разбит сад выставки. Он достаточно велик для того, чтобы пешеход, решивший пройти по всем аллеям, устал. Но сад все-таки мал, если вспомнить, что в нем представлено 26 пород плодовых растений с 515 сортами.

Фруктовые деревья стоят шпалерами. Ветви гнутся, отягощенные спелыми персиками, грушами, сливами, яблоками.

Рядом стелются по земле плодовые деревья. Груша, яблоня похожи на низкорослый кустарник. Это прищипы с севера, где вечно ложится сады легче устоять, уберечь зимой от мороза. Плоды висят почти над самой землей, чтобы взять больше тепла для своего созревания.

Вы направитесь дальше и скоро попадете к дереву, на котором одновременно растут яблоко и груша. Поодаль зреют, наливаются соками невнятные плоды: помесь персика с миндалем, абрикоса со сливой, черемухи с вишней, айвы с грушей, крыжовника со смородиной.

Вот оно, мичуринское наследие! Вы омыщете на себе образце гениального ума, вы преклоняетесь пред мудрецом-садоводом.

Дерева играют роль наглядных пособий в огромном саду-лаборатории. Методы Мичурина становятся понятными каждому посетителю, даже незнакомому с гибридизацией. Каждый может ознакомиться не только с деревом-гибридом, но и с его родителями.

Вот, например, груша «Бере-зимняя Мичурина», в изобилии покрытая сочными плодами. От одного из родителей — представляет дикой флоры, уссурийской груши — к потоку перешли по наследству морозостойкость, устойчивость к засухе и другим климатическим невзгодам, невосприимчивость к болезням, выносливость. От другой родительской «мужчины» — груши «Бере-рося» — в свою очередь перешли к потомству замечательные вкусовые качества плодов, их яркая окраска, крупные размеры, а также способность плодов сохраняться в свежем виде до середины зимы.

Наследство бессмертного мудреца благоухает ароматом яблочных, абрикосовых, вишневых садов, оно разрастается с каждым годом.

Речь идет не о тепличных созданиях, не об отдельных редких экземплярах. Каждое дерево, беряло посаженное на московскую почву, как бы представляет собой в мичуринском саду чистый подобный дерева, которые цвуют и плодоносят теперь повсеместно, вплоть до Тобольска и Нарыма.

7

Человека, изучавшего географию по старому учебнику, ждет на выставке немало сюрпризов. Большевикские поправки к отечественной географии совершенно изменили самую карту

стран, районов распространения тех или других растений.

Казалось бы, что общего с сельским хозяйством может иметь Арктика? А ведь на выставке, не смущаясь географической несообразностью, неподалеку от знойной Туркмении, рядом с Угариной висит панно «Арктика». Застывший куб арктического льда, в котором искрится на солнце глубой многолетнее зелено-голубого льда, а самолет, установленный над этим стеклянкой сверкающим айбергом, напоминает о том, что мы покорили дельные простеры.

И вот после осмотра паннолона узнаешь, что на крайнем севере страны, где-то по соседству с линией вечной мерзлоты вырастают овощи, растут ячмень, овес, рожь и другие злаки. Наши полярики на Игарке едят салат «Весна» из свежих овощей!

Усилиями советских ученых развращается великое переселение на север пшеницы, мукурических деревьев, хлопка, риса, каучуконоса.

Кок-сагыз отлично прижился в Курской области. Дыня привыкает к Якутии. Рис акклиматизировался на Кубани. Хлопок уже чувствует себя старожилем на Кавказе. Виноград зреет на Дальнем Востоке.

Меняется репутация целых краев и областей. Посетители заново знакомятся со своей страной.

Новые в географии заключаются, между прочим, и в том, что ит в СССР такого клочка земли, пусть на Камчатке или в Хасанском районе, где бы хлебопашец не мог спокойно, с уверенностью в успехе, раскорчевывать тайгу, поднимать лесину, сечь и убирать.

8

В Третьяковской галерее можно увидеть картину Ренина «Крестный ход». В неурожайные годы суеверные, набожные крестьяне вояжили у знахарей и гадалок, принимали участие в бесконечных молебных и крестных ходах, вымаливая милостей у природы.

В саду Сельскохозяйственной выставки стоит памятник Ивану Владимировичу Мичурину. Бесмертный садовый стог с яблоком в руках. На pedestalе памятник высеян слогла ученого: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача».

Выставка говорит о том, что народ наш не ждет милостей от природы, но берет их у нее сам умелой и властной рукой.

Вот почему так часто мелькают в руках посетителей карандаши и блокноты. Вот почему так многолюдно на докладах, которые читают на выставке академик Лысенко, или комбайнер Оськин, или кто-нибудь другой. В паннолонах выставки есть чему учиться и родным колхозникам, и агрономам, и академикам.

Пожалуй, самая большая заслуга выставки в том, что она прививает людям чувство новового, разжигает любопытство, родит новаторов. Нет сомнения, что в самое ближайшее время в стране сильно увеличится число опытных полей, колхозных лабораторий, повиснет спрос на справочники по сельскому хозяйству, учебники по агрохимии. Люди с еще большим рвением примутся за учебную работу.

Нужно догонять умедших вперед соседей. Без совершенствования трудно сохранить завоеванное превосходство.

Медленно, но торопясь расстаются люди с выставкой. Перед тем как вернуться в город они в последний раз вглядываются в огладо территории выставки. Затем они неспеша направляются к выходу, как бы боясь ретеряться по дороге драгоценные впечатления, стараются лучше запомнить все виденное.

Обращаясь в своей родине к «стране-подрастающей», пролетарский поэт Владимир Маяковский воскликнул: «Твори, выдамуйма, пробуй!» Замечательная социалистическая деревня, возникшая у столбов околоса летом 1939 года, еще раз свидетельствует о том, что наша «страна-подрастающая», стране-лаборатории это чувство нового совместно в высшей степе-

Наш советский народ — главный эксперимент выставки — творит чудеса на полях, выдумывает новые растения, пробует свои силы в решении самых сложных загадок природы, не жалея усилий от нее, успешно завоевывает природу на благо и счастье человечества.

Гимны революций

Много песен, много национальных гимнов поется на землях шере. Но известность большинства этих песен не выходит за пределы одной страны. Только два государствененных гимна пользуются мировой славою: «Марсельеза» и «Интернационал».

Эти песни не были созданы при-

дворными поэтами и композиторами по официальному заказу: их создал народ в дни великих исторических бурь.

Наше мы помемиме очерки о Руже де Лиле — авторе «Марсельезы» — и Пьере Дегейтере — авторе музыки «Интернационала».

Руже де Лиль у страсбургского жара Дитриха впервые исполняет «Марсельезу» (1792 год). С картины французского художника Пильса.

ПАПОЛНИИ ВИНОВАДОИ

Часто бывает так, что человек, совершивший исторический подвиг, оказывается ниже своего подвига. Он сам не понимает величия того, что он сделал.

Так случилось с автором песни, которая каждому известна с детских лет. «Марсельеза» (мелодия и текст) написана офицером инженерных войск страсбургского гарнизона Руже де Лилем в апреле 1792 года. Автору «Марсельезы» было в то время 32 года. Франци переживала тревожные дни. Со всех сторон надвигались интеренты, стремившиеся восстановить в стране абсолютную монархию и тиранию феодальной аристократии. Национальное собрание провозгласило лозунг «Отечество в опасности!», и тысяча волонтеров пришли на сборные пункты записываться в революционную армию.

Первые схватки с интерентами показали Европе, на что способен народ, поднимающийся, как один человек, на защиту родины. Регулярные войска европейских монархов, манифест герцога Брауншвейгского, грозивший смерть революционной Парижу, — ничто не могло поколебать победоносной конницы и пехоты

Келлермана, которая остановила врагов при Вальми и затем отступила их к границе.

В ночь с 25 на 26 апреля в Страсбурге, перед выступлением рейнской армии в поход, Руже де Лиль складывал строфы своей песни. К утру песня была написана. Ее точное название «Военная песня для Рейнской армии, посвященная маршалу Люксембургу». Есть основание думать, что уже 29 апреля оркестр Национальной гвардии в Страсбурге исполнил произведение Руже де Лиле.

«Военная песня» была напечатана впервые в Страсбурге в типографии Давибаха в мае 1792 года.

Первое страсбургское издание не содержит аккомпанемента, а лишь одну мелодию, в отличие от парижского издания, в котором точно воспроизведена мелодия Руже де Лиле и привнесены аккомпанемента «с клавесина».

30 июля 1792 года в Париж вошел батальон марсельезы. Они прибыли в столицу, чтобы защитить ее от поднимающей голову контрреволюции. В походе они распевали песню Рейнской армии.

Так дошла до Парижа эта изумительная пес-

мя. Марсельюс дали ей название, которое за собой оставило — «Марсельеза».

«Марсельеза» быстро обошла всю Францию. Номер «Патриотической и литературной летописи Франции», вышедший во вторник 16 октября 1792 года, сообщает, что за неделю не менее тем был устроен революционный праздник в Самюле. Там место Лорд занял гимн марсельцев, вдохновенный хором всех присутствующих.

Руژه де Лиль не понял истинного значения тех звуков и слов, которые он вызвал к жизни в час защиты родины. Давильяна судила этого человека была нечеловечна. Революция быстро обогнала его.

10 августа 1792 года парижский народ низверг с престола Людовика XVI. Законодательное собрание поселило в воюющую комиссаров для приведения их к революционному писанию. В Рейнскую армию был направлен Лазарь Карно. Командующий армией Люквер и группа офицеров устроили контрреволюционный заговор. Они убедили Руژه де Лиль, что королю грозит казнь без сомнения, и предложили, чтобы революция кончилась анархическим безумием. Офицеры-изменники взяли слово с автора «Марсельезы», что он будет действовать заодно с ними.

Карно перед фронтом войск приглашает офицеров дать присягу. Офицеры-монархисты отказываются с ним — Руژه де Лиль. Карно вытратил к нему со словами: «Неужели вы хотите забастовать меня уловить из армии автора «Марсельезы?»

Карно сделал все, для того чтобы митинговые офицеры опомнились. Он послал каждому из отказавшихся присягнуть письменное обращение. Руژه де Лиль мог исправить свою ошибку, но он этого не сделал. «Отступление невозможно», — ответил он Карно.

Карно вычеркнул из офицерских списков всех, кто отказался от присяги. С этой митингой Руژه де Лиль воюет. Карно. В виду этого своих писем он назвал его «худшим из всех издательств, издавающихся Францией». Называет к Карно Руژه де Лиль, человек не все революционное правительство. Он вел себя настолько вызывающе, что к нему пришлось применить репрессии.

По приказу Комитета общественного спасения от 18 июля 1793 года Руژه де Лиль был заключен в тюрьму. Он вышел из нее только после контрреволюционного переворота и габели Робеспьера в термидоре II года (июль 1794 года).

В марте 1795 года Руژه де Лиль снова поступает на военную службу. Он сопровождает экспедицию генерала Гоша на полуостров Киброрн, где собрался высидеть полчища эмигрантов.

Национальный конвент, в котором после термидора стали господствовать контрреволюционеры, выработал реакционную конституцию III года. Власть перешла к буржуазному правительству — Директории.

Руژه де Лиль, тяжело раненный на Киброрне и всеми забытый, лежал в это время в госпитале. После выздоровления он получил от Директории подучку — звание начальника батальона.

С новой властью Руژه де Лиль также не поладил. 10 марта 1795 года он написал военному министру резкое письмо, в котором отказывался от каких бы то ни было подучек.

Началась тягостная, полужизнь. Истерия Бонапарта, сменившая Директорию, презирала автора «Марсельезы». Руژه де Лиль метается из стороны в сторону...

В 1814 году Наполеон был изложен, наступила эпоха Реставации (восстановление королевской власти). Корольский дом Бурбонов невидел Руژه де Лиль.

Перешагнув мелкую журналистская работа, сочинение либретто, переводы с английского языка — вот жалкий истинный существования Руژه де Лиль в это время.

Июльская революция 1830 года несомненно ухудшила материальное положение Руژه де Лиль. О «Марсельезе» и ее авторе вспоминали. Он получил несколько правительственных дел, один из награжден орденом Почетного легиона. Появились гравюры и литографии с его изображением. Престарелый Руژه де Лиль

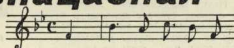
продолжал заниматься музыкой. При его жизни был опубликован составленный им сборник «50 французских песен».

Власть к Беранже украсила последние годы Руژه де Лиль. Бессильный деспотизм, любимец французского народа, человек, чувствующий себя счастливым и в бедности, полюбил Руژه де Лиль. Благодаря заботам Беранже, который обвал для своего друга пороги министерских кабинетов, автор «Марсельезы» был избавлен от нужды. Сохранилось следующее письмо Беранже к министру графу Аргу:

«Граф, без всякого разрешения беру смелость просить Вас снова за Руژه де Лиль. Я уже имею Ваш отказ. И все-таки я не решаюсь сообщить несчастному о результате моей просьбы. Неужели возможно, чтобы ваше министерство отказало автору всемирно известной «Марсельезы» в 50 франков? Я знаком с канцеляриями и чиновниками, и я знаю, что господам министрам приходится за отсутствием времени подписывать немало бумаг, не читая их. Я думаю, граф, что и в данном случае Вы не прочтете этой бесцветной бумаги, на которой крадется Вава подпись. Я никогда не тревожил властей просьбами, когда дело шло обо мне. И мне больно, что я сделал это для другого. В самом деле, я имею основания упрекать себя. И ведь только собака светлого я привел своего старого хозяина к порогу Вашего великодушного министерского двора, и я, как собака, должен ответить за тот нипокорный поступок министра ответили своим почетом великому французцу. Мне остается только...

И. АРЕНБЕРГ

„Интернационал“

Ночь. Не шелухится серебристые, слово вылитые из салава, стройные илы вдоль Кремлевской стены. Черным гигантским алмазом отпугивают в ночи гранитные стены мавзолью. Как изваяния застыли часовые, охраняющие вечный сон вождя. Тускло просвечивают в высоте турбонапорные колоды Василия Блаженного, и ровно горят на кремлевских башнях рубиновые звезды. Торжественная в своей стуровой красоте площадь тиха. Башенные часы выли полночь. И сейчас же, вслед за боем часов, звуки гимна, подхваченные радиополучками, плывут над Москвой, над родиной, над миром. И мелодия гимна широка и могуча, как эта площадь.

«Это есть наш последний...»

В эту минуту на далекой пограничной заставе собрался у приюмка бойцы, и стогина кажется теперь рядом с этим домом, затерянный в тайге.

«...И решительный бой...»

В каюткомпании советского корабля моряки слушают звуки гимна. Сейчас нужно отправиться в поход, кончить путь, так торжественно шпоры. Но вахта уже не так тяжела теперь...

«...Интернационал...»

В Гамбурге докер с опаской включает приемник. Он вслушивается в приглушенные раскаты музыки.

— Москва, — говорит он тихо жено и выкладывает в это слово всю свою надежду, всю веру в победу.

Каждую полночь над миром ларит вечественная мелодия «Интернационала» — гимна международного пролетариата, гимна коммуниста.

Автор музыки «Интернационала» — рядовой протезий Пьер Дегейтер. Он родился в ста...

Письмо публикуется на русском языке впервые.

ко оно, чтобы не спрять Вашего имени: оставил Руژه де Лиль в неизвестности отношение Вашего отказа. Сленой может и не заметить этой личной охиби. Но я-то, его проводник, я обладаю памятью, и я больше не оставлюсь у дверей французского правительства. Прощу Вас, граф, извинить мою последнюю настойчивость.

Ваш слуга Беранже.

29 октября 1830 года.

Это не была «слеподия настойчивости» поэта, и кое-чего для Руژه де Лиль ему удалось все же добиться.

Здоровье Руژه де Лиль ухудшалось с каждым годом. Его принял к себе Беранже. Он ухаживал за Руژه де Лилем, как нянька, до самой его смерти. Последние четыре года Руژه де Лиль почти не вставал с постели. Он умер в ночь с 26 на 27 июня 1836 года.

Песня, созданная Руژه де Лилем, живет и поныне. Уже в наше время парижский протезий собрал по грошам средства для создания замечательного фильма под названием «Марсельеза». Ни правительство Франции, ни Академия, ни парламент не оказали помощи авторам выдающегося произведения французской кинематографии. Но ваше рабочее классы может смести любой протезий. Кинофильм «Марсельеза» существует.

Французский протезий, возглавлявший борьбу французского народа, поет революционную песню, с которой трудящиеся Франции в великие исторические годы парировали отживший феодальный порядок.

рином фландрском городе Генте (Бельгия) в 1849 году в семье рабочего. Отец зарабатывал 50 су в день на семью из 10 человек. Семилетним мальчиком Пьер начал работать на фабрике. Бскоре Дегейтеры переехали в Лиль. Пьер очень любил музыку. Он поступил на курсы лильской консерватории и посещал их два года.

Дегейтер стал резчиком по дереву и продолжал заниматься музыкой. В 1888 году лильская секция Рабочей социалистической партии создала хоровой кружок «Рабочая лира». Дегейтеру нужен был новый, революционный репертуар. Недалого до того, в 1887 году, в Париже вышло из печати первое издание «Революционных песен» французского поэта Париксской коммуны Эжена Потье. В числе песен был и рабочий гимн «Интернационал». Под текстом гимна были указаны место и дата окончания: «Париж, июль 1871 г.» «Интернационал» был написан Потье в те месяцы, когда после габели Коммуны он вынужден был скрыватьсь от ареста, а его друзья и товарищи распространяли солдаты версальского правительства. Несмотря на поражение, строфы «Интернационала» были пропеты с необычайной верой в грядущее торжество международной пролетарской революции.

Организатор Рабочей социалистической партии в районе Лилья предложил Дегейтеру написать музыку на стихи Потье. Дегейтер в три дня, одним творческим порывом, создал музыку «Интернационала». Грозный марш миллионов, шум баррикадных схваток, радость борьбы и победы слышались в могучем ритме песни.

«Интернационал» впервые исполнялся летом 1888 года на празднике лильского союза гаетчиков. Песня сразу же приобрела огромную популярность. В очень короткое срок стала любимейшей песней рабочих Сенной Франции.

«Я СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ...»

(АНТОНИО РУИС ВИЛЛАПАНА
издано в испанском и английском языках)

Перевод с испанского — Л. Лайнер.
Издано «Музыкальным литературным», 166 стр. Цена 1 р. 25 к.)

Свое боевое крещение жиня получила в июле 1890 г. в Лилле, в дни 14-го конгресса французской Рабочей социалистической партии. В конгрессе участвовало свыше 200 делегатов, в том числе Лайфарт, Либенет и др. Длительные собрания и национальные устремления делегатов конгресса враждебно демонстрировали. До вечера на улицах города происходили столкновения. У Вокзальной площади националисты запылали «Марсельезу», которая уже давно стала официальным гимном буржуазной Франции. Оркестр Рабочей социалистической партии, возглавляемый «Марсельезу», играя «Интернационала», громко и националистически устремился на площадь конгресса враждебно демонстрировал. До вечера на улицах города происходили столкновения. У Вокзальной площади националисты запылали «Марсельезу», которая уже давно стала официальным гимном буржуазной Франции. Оркестр Рабочей социалистической партии, возглавляемый «Марсельезу», играя «Интернационала», громко и националистически устремился на площадь конгресса враждебно демонстрировал.

С этого дня «Интернационала» распространялся по всей Франции. Делегаты конгресса уехали с собой листовки с нотами и текстом. На границах Франции, несня проникла в Бельгию, Германию и другие страны. Переводы «Интернационала» делались на все языки. Он повлиял на коллективный творчеством самих рабочих. В 1902 году в журнале «Жизнь» появился русский перевод «Интернационала», сделанный А. Я. Коцнев.

В первых изданиях «Интернационала», выпущенных Бюльдоком, по просьбе Дегейтера не было указано его имя: он мог бы лишиться работы, если бы его авторство было обнаружено. Выпуск анонимных изданий «Интернационала» имел для Дегейтера печальные последствия. Однажды он на работе поранил руку. Вынужденный отдых использовал на arrangement «Интернационала» для фортепиано. Но когда он пошел ноты к издателю, то его обвинили в... плагиате. За автора «Интернационала» оказалась себя родной брат композитора — Адольф Дегейтер.

Долгие годы тянулось это позорное дело. Только 23 ноября 1922 года сын признан автором гитры Пьера Дегейтера. В 1923 году Адольф Дегейтер в Лилле его обвинил. Он переехал в Сен-Дени — рабочий пригород Парижа.

Жена Дегейтера умерла. Его сын, способный музыкант, поглотил империалистическую философию. У него брат Адольф. Перед смертью Адольф Дегейтер признал себя виновным в клевете.

Несмотря на старость Дегейтер оставался борным и деятельным. Он попрежнему работал резчиком по дереву, организовывал в Сен-Дени рабочих хор и написал для него новые песни: «Коммунар», «Вперед, рабочий класс» и др.

До последнего дня своей жизни Дегейтер оставался протестующим революционером. В 1921 году он вступил в коммунистическую партию Франции. В 1929 году осуществился его заветная мечта — обитать в СССР. Он был в числе участников французской рабочей делегации на торжественном заседании в честь Ветеринария Октябрьской социалистической революции.

Советское правительство хотело поселить Дегейтера в одном из бывших парижских дворцов, перепрофилированном в дом отдыха для делегатов международной революционной борьбы. Но климат оказался слишком суров для Дегейтера. Он вернулся во Францию, где и умер в сентябре 1932 года.

* * *

Иосиф Виссарионович Сталин кончил речь. Зап стои приветствует вождя. Люди до конца не знают катиты и трибуны, на которой стоит учитель и друг всех трудящихся. В громах раскатах оживания зарождаются несие. Ее подхватывает единый хоромом весь зал. И неслыханным звучит клятвы верности делу рабочего класса, делу коммунизма.

На всем земном шаре эту песню поют миллионы людей, являющих на подвиг, на борьбу, на смерть во имя величайшего идеала человечества.

И в этом бессмертии поэта-коммунара Жюль Потье и рабочего-композитора Пьера Дегейтера.

Пот и музыкант Антонио Хосе посвятил всю свою жизнь искусству. Прекрасные мелодии народных песен Кастилии, возмущение скандала испанских пастухов олицетворяли острый конфликт. Ближние называли Антонио Хосе вдохновенным фантазмом фольклора. Часто, покидая Бургос, он уходил в деревню, в поисках звуков природы. Записанные и обработанные Антонио Хосе старые песни возвращались к народу. Старухи с лицами, изрезанными морщинами, слушающие душой, слышали горячие слезы, звучащие наивную горушу песню:

«Ушли в Эстремадуру
Все наступили далеко.
Позади них горы
Темнеют одиноко.»

Антонио Хосе держался в стороне от политической жизни и сам признавал себя неведущим в этих отношениях. Кроме работы он интересовался не знал никаких других мыслей.

Таков был Антонио Хосе. Больше, кажется, ничего не скажешь об этом человеке. Можно только добавить, что он пользовался большой любовью и в городе Бургосе, где жил, и в окрестных кастильских деревнях.

Вспыхнул мятеж. Начался диалект, варварская расправа над свободными испанским народом. Антонио Хосе арестовывают и заключают в тюрьму.

За что? Юноша тихоно завет себе это вопрос. Случайной ночью в тюрьме началось мятежное. Крики... свистки надиратели. Хосе разбухали, вытолкали из камеры и скосах восточного парижского, почти ребенком, который работал типографским учеником в редакции журнала.

Он очутился в группе смертников и в ту же ночь был расстрелян на равнине Эстепан вместе со многими им в чем непонимания людьми.

Автор книги «Я свидетельствую...» Антонио Руис Виллапана пытался узнать о причинах казни своего друга.

«Я обратился к высшим военным властям провинции с протестом против его казни. Один из генералов заинтересовался этим случаем и обещал его расследовать. Вскоре он вызвал меня в кабинет, где и сообщил: Антонио Хосе был расстрелян... как шпион!»

Здесь, на письменном столе, лежало доказательство его виновности. И он протянул мне «Бургосе графиком» где одна статья была помечена красным карандашом. Это была статья Антонио Хосе о музыке сефардов¹, которую он связывал со все народным хоромом с кастильскими музыкальным фольклором. Текст статьи написана шифром... таинственно сообщил мне генерал.

— Это неправда! — ответил я с негодованием.

«Вы возбуждены и поэтому не можете рассуждать», — сказал генерал не вполне уверенно. — Прочтите статью внимательно, как это вы посетовали сделать, и вы увидите, что Стайн автор инсинуаций, призывая народ к восстанию.

— Это ложь! — возмутился я. — Я прекрасно знаю эту статью, и в ней Антонио Хосе лишь сравнивает музыку сефардов с нашей, отмечая, что и в той и в другой звучит глубокое страдание и жалаба низших классов общества. Только лишь уместно упомянуть о том, что в этой статье протестующее возмущение. Но, кроме того, — прибавил я все еще с негодованием, — посмотрите на дату этой

журнала: март 1936 года. Что же, человека приговаривают к смерти за протесты к свержению того правительства, против которого поднялось все это движение?»

* * *

Страшно поверить тому, о чем рассказывает в своей книге Антонио Руис Виллапана, не верить тому, что видел. Автор пишет только о том, что видел собственными глазами. Когда Франко установила в Кастилия свою диктатуру, он начался судьями, как их назначает Антонио Виллапана. Был издан приказ, в котором каждый параграф начинался словами: «Будет приговорен к смертной казни...» Этот приказ народ прозвал «приказом смерти».

Каждый день судебные чиновники составляли десятки актов, сухо констатирующих: «Найден труп неизвестного...»

Смерть «неизвестных» была вызвана свидетельствованием судебного чиновника Антонио Руис Виллапана.

Однажды судебские чиновники выткнули на труп человека, лежавшего у реки.

При осмотре трупы или обнаруживая несколько печальных признаков, писали с карточкой. На карточке, испачканной кровью и грязью, было изображена молодая женщина, державшая на коленях худого ребенка с грустными глазами. Письмо было подписано «Гойития», в нем бедная женщина старалась поддержать мужа надеждой на близкое освобождение, потому что ты видишь и в нем и в ребенке. Дочери этой женщины, в содружестве, увидев после подписи женские каракули, из парализованной детской рукой: «Паночка, тебя криком целует твой дедок».

Войдя в роль, фанатичные перестали переноситься: они уже не стали рассредотачивать по одному и разбрасывать по полям трупы. Власти тюремных ворот приказано рвать траншеи. Были созданы специальные команды, которые рыли могилы для смертников. Они работали целый день для того, чтобы ночью здесь можно было расстрелять сотни людей.

Разбирательство дела двадцати арестованных из Миралды. Судьи шли было пить женщины, уже испытанных ужасов тюрьмы. На руках одной женщины, сидевшей на скамье подсудимых, был грубый ребенок. Прокурор говорит: «Будет смертной казнью. Вокруг той, у которой на руках грубый ребенок. И суд выносит приговор. Их расстреляли».

Даже такти умеренных людей, как Антонио Руис Виллапана, не была жестокостью фанатиков. Он вместе со своими товарищами, «не выходя из рамок почтительности», обратился с жалобой к одному видному чиновнику. Выслушав их, тот ответил: «Республиканцы храбро отстаивали свою землю».

Постарайтесь победить, чтобы с сегодняшнего дня все это изменилось, а главное, юрт востать, чтобы ях хоронили и зарывали поглубже. Эти «находки» должины, наконец, прекратиться».

Главное, чтобы замученных и убитых людей хоронили и зарывали поглубже, — вот о чем заболел этот «политический деятель»!

Испанский народ знает, что Франко неслеп проправу расправу. Республиканцы храбро отстаивали свою землю.

Не удалось сломить Испанскую республику в открытом бою. Измена Миахи, Касало, подлая роль троцкистов, готовивших удар сверху — вот что решило роковой Франко. Но гордый, свободлюбивый испанский народ никогда не примирится с колониальной зависимостью: террористическая диктатура Бут сломлена.

¹ Сефарды — еврей, происходящий из Испании.

Мих. ВАСИЛЬЕВ

Героические эпизоды

И-ФУ

СУДЬБА СЕМЕЙСТВА КУАН ДУН-ЦУ

В народной антияпонской войне китайская молодежь играет огромную роль. Понавня громадной китайской народно-революционной армии состоит из молодежи. Молодежь также успешно работает в оборонной промышленности и дает фронту снаряда и оружие. Китайские юноши и девушки проводят большую агитационно-пропагандистскую работу на фронтах, в городах, деревнях и в тылу у противника.

Каждый молодой китайец, независимо от того, работает ли он на фабрике, в поле или учится в школе, воевал в армии. Ежедневно в армию вступают тысячи добровольцев. В провинции Фуцзянь, в одном небольшом районе, за две недели в армию вступило добровольцами свыше 500 человек.

Сейчас в любой китайской деревне можно встретить семьи, где остались только старики, старики и маленькие дети. Синовова и дочери на фронте.

В городке Нанью живут Куан Дуи-цун. Еще недавно это была большая семья: со стариками жила два сына и три дочери. Старший 25-летний сын вступил в армию два года тому назад. Младший, как только ему исполнилось 16 лет, тоже ушел добровольцем в армию. Старшая дочь Куан, 22-летняя девушка, последовала примеру своих братьев и пошла работать медсестрой в доме Куан. В доме Куан остались старик, старуха и их две маленькие дочки. Но девочки заявляют: «Как только вырастем, тоже пойдем быть японцев».

ОГНЕВАЯ ГОРА

Китайская молодежь героически защищает каждый вершок родной земли. Молодые рабочие, крестьяне, студенты знают, что если Япония захватит Китай, все они станут рабами самураев.

В Чунцун китайские женщины организовали общество по оказанию помощи бойцам китайской армии. НА СНИМКЕ: активистка общества собирает на улицах Чунцун средства для семей бойцов.

Бойцы китайской народно-революционной армии слушают политинформацию.

За два года войны китайская молодежь дала много примеров героической борьбы с японскими захватчиками.

В Китае широко известна история героического батальона, защищавшего город Баошань до тех пор, пока не погиб последний солдат. «800 смельчаков» — защитников Шанхая — прикрывали отход главных сил китайской армии. Смелые акты закрепились около английской концессии и упорно сдерживали несколько дней наступление врага. Только получив приказ главного командования, горсточка героев отступила.

Особенно ярко проявился героизм молодежи во время боя в районе Огневой горы.

Когда японцы заняли Цюэцзин и продолжали наступление на юг и запад, один из китайских полков получил приказ во что бы то ни стало задержать противника в районе Огневой горы. Это необходимо было для того, чтобы выиграть время для сооружения полосы обороны.

Часть, получив приказ, сразу двинулась навстречу японцам. Сперва вступила в бой одна рота. Противник все время получал свежее подкрепление. После часовой горючей схватки от роты остались только один взвод. Но тут на помощь пришли еще две роты — японская часть была уничтожена. В этом бою японцы потеряли около 200 человек. В тот же день около 600 японцев хотели обходным маневром захватить китайские позиции на Огневой горе. Они поднимались по ледяной долине под прикрытием сильного огня артиллерии. Две роты китайцев встретили японцев сначала пулеметным огнем и гранатами, а потом штыками. После нескольких рукопашных схваток японцы отступили. Так прошла первая ночь.

За ночь противник сосредоточил крупные силы и на рассвете второго дня начал новую атаку. Но атака опять была отбита с большими потерями для японцев. Около 12 часов японцы опять повели атаку на Огневую гору, но их опять отбили; так схватка длилась до вечера. Японцы провели четыре атаки и потеряли свыше 300 человек. Ночью японцы бросились в пятую атаку. Заговорили орудия, пулеметы, гранаты. Был один критический момент, когда японцы подошли было совсем близко. Большинство китайских пулеметчиков было убито. Тогда командир легил у пулемета, и все, кто остался в живых, стали бросать гранаты. Наступил рассвет третьего дня. Японское командование выслало для атаки Огневой горы свыше тысячи человек. А на горе после двухдневного ожесточенного боя осталось всего 20 бойцов и командиров. Но они не отступили и хладнокровно приняли бой. Главные силы китайской армии за это время успели создать

основную полосу обороны. Китайские бойцы три дня без отдыха вели бой с превосходящим по численности противником и блестяще выполнили задание. Огненные Огневая гора высятся памятником героям.

«ПУЛЕМЕТЧИК МОЛОДОЙ»

Пулеметное отделение 8-й армии охраняло небольшой городок Цюэцзин. Внезапно на городок начала наступление японская часть механизированной кавалерии. Пулеметное отделение пришло в бой. Среди бойцов был молодой пулеметчик Чжан Юн-вэй. Во время первой атаки он снесил свыше 40 японских кавалеристов, но когда японцы повели вторую атаку, то Чжан Юн-вэй уже был израсходован все патроны. Тогда молодой пулеметчик вышел за гранаты и убил свыше 10 японцев. Японцы отступили. Вскоре они повели третью атаку. У Чжан Юн-вэя оставалось только две гранаты. Он подпустил неприятеля на очень близкое расстояние, убил еще 10 японцев и сам погиб героической смертью. В части, где служил Чжан Юн-вэй, все бойцы помнят молодого героя и зовут его «пулеметчик молодой».

СЕМЬ ПРОБОИ

Однажды молодой боец 8-й армии пошел в разведку с молодым командиром пулеметной части. Возвращаясь из разведки, они увидели в лощине отряд японцев. Отряд, видимо, готовился атаковать их часть. Молодой боец и командир решили отвлечь силы противника и выступили по японцам пулеметную очередь. Внезапное нападение вызвало среди японцев панику. Но скоро японцы заметили, что перед ними только два человека, и, развернув цепь, атаковали смелых разведчиков. Молодой командир дал очередь из пулемета и убил еще нескольких японцев. Но японцы подходили все ближе и ближе. Разведчики, отступая, продолжали вести огонь. Так в течение часа продолжалось это невиданное ожесточенное. Вот японцы уже в 15 метрах. У отважных разведчиков осталось несколько гранат. И все же им удалось вернуться в свою часть, они были невредимы, и только потом молодой боец обнаружил на прилажке пулемета семь пробоин. И он с гордостью рассказывал товарищам, что им удалось убить несколько десятков врагов, а самураи только изрешетили приклад пулемета.

Китайская молодежь уверена, что окончательная победа будет за ее народом.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

17 октября 1938 года советский теплоход «Катама», шедший с грузом пшеницы из Марсаулы в Англию, был остановлен в море ираками от Мадра. Палубу теплохода осматривали прожекторы военных судов. В клубнейшем мрамре рисовались силуэты трех боевых кораблей. Одни из них развернулись и приблизились к «Катаме». Это были иракские заградители «Вулкан». Его пушки повернулись на советский теплоход. Минзак сигнализировал: «Остановитесь судно, в случае неповиновения будете расстреляны».

«Катама» застопорил ход. С пиратского корабля спустился шлюпок, и на борт поднялись 2 офицера и 22 солдата. Блеснули стволы автоматических винтовок и ручных пулеметов. Катамцы увидели оборванных, грязных ипот. Они весьма мало походили на солдат, хотя с ног до головы были усажены оружием. Офицер обшарил, что судно арестовано. Судно пошел к Пальме (остров Майорка).

Офицер-француз говорил резким, слегка театральным тоном. Он явно любовался самим собой. Капитан «Катамы» отвечал спокойно и сдержанно. Капитан отвечал по-русски, и его слова переводила стовщица рядом с ним молодая женщина с расстелываемыми волосами, в туфлях на босу ногу. Эта переводчица раздала офицеру. Его засветили круглые глаза смотрели на него в упор. Переводила она медленно, но, видимо, точно. Куда следует теплоход? Это показывают документы. Спустить советский флаг? Нет, капитан категорически отказывается спускать флаг. Письменное заявление? Нет, капитан заявление подписывать не будет.

Когда офицер занялся судовыми документами, женщина исчезла. Через несколько минут она появилась на палубе в сопровождении старшего ассистента но все пуговицы. Подойдя к груди солдатских вешеших мешков, выброшенных с пиратской шлюпки, она остановилась и начала ощупывать мешок за мешком.

— В чем дело? — раздраженно обратился офицер к капитану. — Кто эта женщина?

— Это старший помощник.

Старший помощник капитана одесская комсомолка Берта Рапопорт полностью овладела собой. Когда задержали теплоход, она спала в своей каюте, на бакте был второй помощник. Ее разбудили. Она всунула ноги в туфли, схватила пальто и помялась наверх. Первым делом она распорядилась приготовить шлюпки. Эти бацитки могли начать стрелять без предупреждения. Закончив разговор с офицером, она приняла себя в порядок. Главное — выдержка, спокойствие и обитательность. В вешеших мешках могло быть подкинуто на борт «Катамы» оружие. Поэтому она тщательно проверила пиратский багаж.

В Пальме, куда они пришли через три дня, оборванных солдат с «Вулкана» сместили фалангисты — молодчики в черных рубашках, нгилье и самоуверенные. Они заняли на «Катаме» все входы. Команде приказали собраться на средней надстройке. Рапопорт надо было пройти в каюту за документами. Когда она приблизилась к лестнице, молодой фалангист с испитым лицом преградил ей дорогу.

— Пропустите. Я старший помощник капитана, — сказала Рапопорт по-испански.

Фалангист начал хрипло ругаться.

— Пропустите. Я старший помощник капитана, — спокойно повторила Рапопорт.

Фалангист затопал ногами.

— Ша, дурак, — сказала она по-русски, — Чего кричишь?

Это было не очень дипломатично, но сдерживать себя она не смогла.

* * *

Было объявлено, что 18 человек команды, в том числе капитан, отправляются в концентрационный лагерь. Катамцы встретили это известие без тени паники. Никто не сомневался, что Москва уже предпринимает меры.

— Берта Йовленда, к вам переходят все мои полномочия, — сказал капитан. — Не гордитесь, провокация не поддается.

На «Катаме» вод охраной фалангистов осталось 15 человек.

Берта Рапопорт каждое утро выходила на вахту.

Однажды она заметила в бунке недалеко от «Катамы» знакомый по контурам теплоход. Неужели «Макс Гельд»? В бунке нельзя было разобзреть видниси. Попытливо, напальп захарали. За семь лет, прожитые на море (она начала плавать в 1931 году на таикере «Батум-Совет» четвертым помощником), Берта Рапопорт хорошо изучила все суда, бороздившие черноморские воды. Да, это, несомненно, «Макс Гельд». Значит, муженьки захватили и это судно...

Как связаться с товарищами? Рапопорт посоветовалась с командой. Шлюпку спустить не удастся. Можно было бы с кормы сигнализировать ручным semaфором. На «Гельде» заметили бы наверхка. Но фалангисты...

Они нашли выход. После завтрака на корме собралось несколько моряков. Кто-то притащил гитару, начались пляски. Подошел патруль. Плясать запретить нельзя. Фалангисты, покрутив носом, покинули кору. И едва скрылись, испрошенные гости, как с плевсумом произошло что-то странное. То он крутил кулаками перед носом, то вдруг расплывал руки, то поднимал их вверх... Во всяком случае, все это очень мало походило на «Йблчок». Но ни плеску, ни зрители не обращали никакого внимания на музыку. Вся группа напряженно всматривалась в темную громаду теплохода, стоявшего неподвижно...

Связь утратилась. Гельдичи отвечали тем же способом. «У нас кончатся продукты», — сообщили они.

Решили немедленно отправить товарищам часть запаса. Катамцами высланы в иракском лагере и сестра и на одной наволочке Рапопорт вывела химическим карандашом: «Привет товарищам!»

Командант на «Катаме» попытался помешать отправлению шлюпки.

Выше распоряжение неправильно, — сказала он Рапопорт. — Вы ведь не знаете, сколько здесь простотье...

— Господи командант, — ответила она, — у советских моряков так принято. Мы им отдаем ровно половину того, что у нас есть.

Бросившими моряки «Макса Гельда» взволнованно рассказывали, что ничто так не ободрило их, как эта посылка с «Катамы» и эти распыленные на наволочке буквы: «Привет товарищам!»

У койки она надела свое лучшее шелковое платье. Ребята тоже вышли на палубу одевать с иголочки, тщательно выбранные. Вечером в кают-компании по распоряжению Рапопорт был устроен праздничный ужин с вином. Хотелось пить, но и пенне и пляски были теперь командантом запрещены. Кто-то нашел пластинку с «Интернационалом». Когда из-под иглы патефона понеслись звуки пролетарского гимна, все подпрыгнуло. В кают-компании взлет командант.

— Я вам запретил исполнять «Интернационал», — крикнул он Рапопорт. — Почему вы нарушаете приказ?

Рапопорт медленно выходила из-за стола. Пластинка кружилась, вся команда стояла на вытяжку.

— Да, — неторопливо ответила она, — вы нам запретили пить, но заводите патефон вы нам не запретили...

— Бросьте эти штучки! — зорил взбешенный командант. — Гимн все равно остается гимном!

В эту минуту прозвучало заключительное: «...оспринет род людской...» — патефон умолк, и все село. Командант резко повернулся и вышел.

Катамцы переглагулись.

Б. Я. Рапопорт (справа) со своей матерью и дочкой Жанной.

— Инцидент всерьез, — сказал комсомолец Назаров, — наш старом показал высший класс дипломатии.

— Да, это — то, что еще, дурак, — вспоминал кто-то о первой стычке Берты Рапопорт с фашистами.

Все засмеялись, и Берта, тряхнув волосами, предложила toast за родину.

* * *

Впервые она ощутила острую боль, когда было объявлено, что судно со всем имуществом конфискуется, все мужчины будут отправлены в концлагерь.

Протест ей вернули. Фашисты забрали ключи от владений и оцепили судноную якорную. Какой-то из попов укал на трубу, чтобы срубить советскую эмблему — сери и молот. Рапопорт решительно подошла к командиру.

— Пока хоть один наш человек остается на борту, — сказала она глухо, — вы не смеете снимать эмблему и флаг.

Командир притворился, что не понимает.

— Вы не смеете снимать эмблему! — повторила Рапопорт.

Ее десневые глаза потемнели, на выпуклом лбу собрались морщинки.

Командир приказал фашисту слезть с трубы.

Вечером катановцы решили снять портреты вождя, чтобы вить их с собой в тюрьму. Берта, комсомолец Назаров и другие вошли в кают-компанию. Не успели они приставить стулья к стене, как сзади раздался режкий окрик:

— Очистить помешение!

Это был командир.

Берта Назаров стал у портрета Сталина.

— Приказано очистить помешение! — повторил командир.

— Вы конфискуете судно и судовое имущество, — сказала Назаров, — а портрет — мой личный собственности.

Командир вынул кольт.

— Вы не имеете права лишать меня личной собственности, — твердо повторила Берта.

Командир приставил кольт к виску Назарова.

— Отойдите, а то вы здесь останетесь.

Это была страшная, мучительная минута. Берта Рапопорт соборно. Остальным тихо и спокойно она кричала Назарову отойти.

Ночью Берта думала о своих товарищах. Завтра им придется расстаться... Завтра ребят отправляют в концлагерь... Какие они все слабые, чуткие... Как они забывают о ней год назад, когда она была беременна... А как какие сегодня число? Ну, конечно, завтра Жаночке исполняется год... И она сразу увидела Одессу, ту самую солнечную душу и свою маленькую дочку на руках у бабушки.

Она достала фотографию детей и торжественно нашла на обороте: «Моя чудная хорошая дочурка Поздравляю с днем рождения. Расти, Жаночка, здоровой, крепкой, стойкой дочерью нашей родины, от которой я себя так далеко. Я желаю: здоровья и бабушка воспитанно тебе, а о нас беспокоится вся страна и скоро забереет нас из плена. Тогда, доченька, я тебя поздравлю иначе. А пока крепко, крепко целую мою радость! Твоя любящая мама».

Утром пришел лагер. Старо известно, что людей повезут в тот же лагерь, где уже находилась часть немцев.

— Крепись, Берта, — шепнул ей, прощаясь Назаров. — Что изведать там?

— Передай, что не подкажу, — ответила она, — и вообще пусть не беспокоится.

Через час ее тоже доставили на берег и посадили в автомобиль. Ей сказали, что ее везут в отель. Автомобиль остановился перед мрачным зданием монастырского типа. Рапопорт очутилась в вонючем коридоре. По обеим сторонам коридора располагены камеры. Одна из дверей распахнулась. Ее втолкнули в камеру и сразу заперли замок. Кто-то бросил ей на шею. Она узнала Катю Прямку — буфетчицу с теплотехло «Юрпула», также задержанного мителжанина. Здесь же была Дора Сердюкова — уборщица.

— Вот это отель, — сказала Берта, — прямо из отеля, а Гранд-Отель. Ну, девочки, как делал?

Тюрьма называлась «Карсель провинциальное казначейство». В узкой маленькой камере сидело десять женщин. Кроме Рапопорт, Кати Прямки и Доры Сердюковой здесь томилась Испания. Это были в большинстве жены и матери республиканских бойцов.

Берта ввела в камеру дух чеснока и бодрости. В первый же вечер она предложила всем читать «засеивать». Они спели сначала «Док-Ватсу майску», потом «Если завтра война». Испания поддела победил. Глаза их заблестели. Они просили девушек петь еще и еще. Берта заткнула «Полонезом». Долго не засмыла камера в этот вечер.

Кормили их гнушо. Мыться приходилось в помойном ведре. Прогулок они были лишены.

Берта написала несколько протестов. Когда это не помогло, она с Катей объявила голодовку.

Первые три дня голодовки они перенесли легко. На четвертый день начала кружиться голова. Берта чувствовала приступы мучительной боли, похожие на родовые схватки. На пятый день в камеру вошли начальник тюрьмы и Начальник тюрьмы оказался худощавым прилизанным господином. На водножном лице афериста торпорились маленькие ушки.

— Что вы требуете? — осведомился он.

— Мы требуем, во-первых, улучшения питания...

— Разве вас плохо кормят? — удивился афер.

Начальник тюрьмы сделал знак, и в камеру внесли поднос, полный шпикарных блинов.

Берта усмехнулась. Ицендеровка была построена слишком грубо.

— Господи начальник, разве сегодня праздник? Почему такой обед? — извительно спросила Рапопорт.

Берта и Катя не дотронулись ни до одного блинда. На шестой день им объявили, что требования их будут удовлетворены. Им разрешили также прогулки.

Уже была весна. Первый раз Берта встретила в реальной Одессе не на мостике теплотехло. Она шла с Катей по тюремному двору. Вдруг солнечный зайчик осел на ее. Она подняла голову и за репшотой одной из камер увидела отблеск зеркальца. Из слезурия и слезы она всерьезе показала скатный чулак. «Рот фронт!» — удивилась Берта. — Салуд, камарадос...

Неизвестный товарищ сал ей боевой привет.

* * *

В камере, расположенной напротив той, в которой они сидели, начальник тюрьмы стал вести допросы арестованных. Оттуда доносился свист бамбуковых и резиновых палеток, крики и стоны людей.

Желаю поздравить на черках заключенных, начальник распорядился открывать на время doors двери камеры. Девушки увидели омерзительную картину. За столом сидели начальник тюрьмы и его дочь. Этой разряженной сдвигке доставляла удовольствие присутствие при истязании людей. Двое стражников держали арестованного за руки, третий вносил удары.

Однажды перек ужимом избивали архакого старика, он страшно стоял. Катя и Дора бросились на койки и зарылись. Берта сделала неподвижно. Каждый стол старика ударял ей в грудь.

Надзиратель внес стол с тарелками. Неожиданно Берта встала и со всей силой пихнула тарелки разлетелась вдребезги. В камеру убежал начальник.

— Прекратите издевательство! — крикнула Рапопорт. — Немедленно прекратите!.. Не здесь!.. Не на наших глазах!

Тюрьма загудела. О протесте советских девушек молниеносно узнали все камеры. Начальник тюрьмы пытался кто-то связать намест маюдушу и трусости. Но, взглянув в искаженное гневом лицо Рапопорт, он поспешил убраться из камеры.

После этой истории она много думала о человеческих чувствах, о силе воли, о героизме и самопожертвовании. В душе ее все еще звучали хрипы старика, и нависшая картина допроса не исчезала перед глазами. Малодушие! Этот кретин с ушками и его разряженная дочь, очевидно, считают себя сверхчеловеками. Действительно, какая такая характер — истязать беззащитного старика и при этом хохотать? О, сволочи! А что делают они за стенами этой тюрьмы?.. Сколько уже убито в Испании, сколько замучено в таких камерах, как эта!

Шли дни. Девушки скрашивали их песнями, воспоминаниями. Они рассказывали заключенным испанкам об Одессе, о Москве, о Сталине, о 8 марта, о 1 Мая. Они научили их петь, и теперь уже не три голоса, а звонкий многоголосый хор разносил по всем закоулкам «Карсель провинциальное казначейство»:

«Страна моя,
Москва моя,
Ты самая любимая!»

...Когда пришла весть об освобождении советских моряков, все тюрьмы хотели проститься с тремя представителями Страны совет. В женскую камеру был передан тайком огромный букет роз. Херонима, испанская работница арестованная за то, что была пошеchin итальянскому офицеру, протянула этот букет Берте и сказала:

— Пусть все русские люди цветут так, как цветут эти розы...

Кажется, в первый раз Рапопорт не смогла сдержать слез.

* * *

...Мя встретилась с Бертой Рапопорт в Полугриновской Черноморской пароконства.

В кабинет помпидна вошла молодая женщина в открытом летнем платье, в соломенной шляпке с цветком. Я не сразу догадался, что это и есть та самая Берта Юковлевна Рапопорт, слышавшая старом «Катанов», о которой с уважением говорят все моряки Одесского порта. Шлябонный ход мысли рисовал обретенную всеми ветрами, загоролеу, суровую героиню. А тут знакомство с нарядо олет женщиной, известной на правозащитную отпус курортнику. И только пристальный взгляд крупных зеленых глаз, медленная, точная речь и мужская манера закуривать шарпору свермили о необычайной судьбе этой женщины.

Одной из первых женщин в Союзе она должна работать во флот, не испугавшись рассказов о грубости моряков, о «порках» морской среды, о силе «своих традиций», и т. д. и т. п.

— Вы знаете, — говорит Рапопорт, — о моряках еще не думаю, что это грубый народ... Неправда! Это... Самый лучший товарищ — это море.

Дочь извст-столара, всю жизнь не вылезающая из-за верстака, она поступила в мортехнику и вместе с двумя сотнями парней из Одессы, Херсона и Баку изучала морскую науку на паруснике «Товарищ». И через несколько лет, поработав сначала на танкере «Ватум-Совет», а потом на рефрижераторе «Кубань», обогнув добрый десяток раз старую Европу, испытала и закалила себя в отчаянных рейсах, она пришла на теплотехло «Катанов» зрелым, опытным штурманом.

Скучно и тосочно рассказывала она о семидесяти годах плена. Она говорит о мужестве своих товарищей, вспоминает радостное возвращение в Одессу и о том, как Жаночка ее не узнала, а потом стала называть «тетя-мама».

— Подождите, что ж я вам все путники рассказывала, — говорит Рапопорт. — Про самое главное я и забыла рассказать.

И она рассказывала о вчерашнем партийном собрании. Разбиралось ее заявление о приеме в кандидаты ВКП(б). Из пяти членов партгруппы «Катанов» за прием Берты Рапопорт в ряды партии большевиков голосовало пять.

Проф. В. ФРИДМАН

Теплота

Что такое теплота? Этот вопрос задавали

с себе еще древнегреческие и древнеримские мыслители. Римский поэт Лукреций II век до нашей эры писал в поэме «О природе вещей»: «Теплота — такое редкое тело, что между ее частнами движется множество частиц воздуха».

Этот взгляд на теплоту как на особое рода тончайшее вещество продержался в мировой науке почти до середины XIX века. Называли это предполагаемое вещество «теплорода» или «теплоторы». Вот что писал в 1826 году московский профессор Денгубский в своем учебнике физики: «Теплотород или теплотворная материя есть жидкость, чрезвычайно тонкая и упругая, невидимая и невосмаля, проникающая во все тела, расширяющая их и изменяющая».

В начале XVIII века существование несомненных жидкостей («флюидов») считалось бесспорным. Физика знавала не только «теплорода», но и эфирическую, магнитную, световую жидкость и т. д. Знаменитый французский химик Лавуазье (вторая половина XVIII века) поместил свет и теплоту в список химических элементов наряду с водородом и кислородом.

Тем замечательнее было выступление против теории «теплоторы» великого русского ученого Ломоносова. В своей работе «Рассуждения о природе тепла и холода» Ломоносов доказывал, что теплота — не вещество, а движение молекул («неуловительных частей», как он их называл). Иностранцы ученые встретили утверждение Ломоносова насмешками и издевательствами. Но при всем же Ломоносов.

В середине XIX века механическая теория теплоты, согласно которой теплота есть движение молекул, одержала полную победу. В этом деле большую роль сыграли наблюдения над превращением работы в теплоту и теплоты в работу.

В конце XVIII века физик Румфорд, бывший одно время директором пушечного завода, заметил, что во время работы сверлящих станков выделяется огромное количество тепла. Например можно заставить кипеть воду, если трогать погруженный в нее пушечный ствол. По мнению Румфорда, здесь один вид движения — трение сверла о стенки ствола ступи — превращается в другой вид движения — хаотическое перемещение молекул сверла, ствола пушки и воды, т. е. в теплоту. О превращении работы в теплоту писал и Ломоносов: «от взаимного трения куры согреваются, дерево загорается пламенем, при ударе кремня об огниво появляется искра, железо накаливается докрасна от прокопывания частыми и сильными ударами». Как же защитники учения о «тепловой жидкости» объясняли эти явления? Они утверждали, что при трении теплоисточник тепл (например металл, металлический стержень, пушечный ствол и т. д.) уменьшается, поэтому повышается его температура, по-

1 Теплотность тела измеряется тем количеством тепла, которое должно поглотить это тело, чтобы его температура повысилась на 1 градус Цельсия.

добно тому, как если перелить воду из широкого (более емкого) сосуда в узкий (менее емкий), то уровень воды в узком сосуде будет выше.

Этот довод опроверг своим знаменитым опытом английский физик Дэви. Он доказал, что два куска льда совершенно растают, если треть их друг о друга. Как известно из физики, теплотность воды выше теплоемкости льда. Следовательно, теплотность тающего трения льда не уменьшается, а, наоборот, увеличивается, и несмотря на это лед тает быстрее, значит, смысла защитников теплотора на теплотность оказалась несостоятельной.

Но защитники утверждались в науке не сразу и придумывают самые дикие аргументы, чтобы поддержать старые, привычные взгляды. Сторонники старого учения о теплоте придумали еще одно «объяснение» нагревания от трения. Они доказывали, что в телах имеется большой запас тепла. Это тепло находится в особом, скрытом (связанном) состоянии и потому не действует на термометр: при трении тепло выходит из скрытого состояния и нагревает трущиеся тела.

Знаменитый философ-диалектик Гегель блестяще раскритиковал это «объяснение». В своей «Философии природы» он пишет, что представляется о связанной теплоте не опирается опыт. И потому опровергнуть его опытом нельзя.

Разрешить спор между сторонниками двух теорий теплоты помогла техника. В XIX веке повсеместно распространялись паровые двигатели, машины. В паровом двигателе происходит интереснейшее для физика явление: превращение тепла в работу. Энгельс замечает в «Диалектике природы»: «Что еще в древности люди умели превращать механическую работу в теплоту (например, добывая огонь с помощью трения). «Однако процесс, совершающийся при добывании огня трением, есть возм. односторонний характер. Здесь механическое движение превращается в теплоту. Чтобы завершить этот процесс, надо добиться обратного превращения этой теплоты в механическое движение, ибо только в этом случае удомстворяется диалектика процесса и процесс замыкается — по крайней мере на первых порах — в круг»», — пишет Энгельс («Диалектика природы», стр. 161, Париж, 1936).

Замыкание процесса, о котором писал Энгельс, потребовало очень много времени. Первые машины получили практическое применение только спустя пол столетия, как человек научился добывать огонь с помощью трения. Физики не сразу сделали правильные теоретические выводы из фактов, которые им дала в руки новая техника. Обстоятельство это было привычным.

В начале XIX века еще не был известен закон сохранения и превращения энергии (он был открыт лишь в 40-х годах того же столетия), а между тем проблема превращения работы в теплоту (и обратно) есть, по существу, проблема превращения энергии. Кроме того паровые двигатели конца XVIII и начала XIX века превращали в работу ничтожное количество тепла. Их коэффициент полезного действия не доходил до 1 процента. Это значит, что в полезную работу превращалось менее 1 процента разнавившейся в толке двигателя теплоты. Поэтому тогдашние физики оригинали, что теплота — вечный двигатель превращается в работу. Выдающийся французский физик Садри Карно считал, что работа парового двигателя подобна работе воды в колесах водяной мельницы: в мельничном колесе вода переходит от высокого уровня к более низкому и поэтому производит работу. Но в работу превращается энергия воды, поднятой вверх плоти-

ной, а не самая вода. Вернувшись в русло реки, вода теряет свою энергию, но количество воды не меняется. Точно так же, думал Карно, тепловая жидкость переходит в тепловую двигатель от более высокого температурного уровня к более низкому и благодаря этому производит работу. Но «теплорода» не превращается в работу, а целиком сохраняется, подобно тому как сохраняется вода, протекая сквозь мельничное колесо и бегущая дальше вниз по течению.

Рассуждения Карно были сбивчивы и противоречивы фактам. В паровой двигатель поступает больше тепла, чем его уходит из двигателя в холодильник и в окружающую среду. Часть тепла, поступающего в двигатель, превращается в механическую энергию. При этом количество механической энергии, выработанной двигателем, пропорционально количеству теплоты, затраченной на получение энергии. Теплота превращается в механическую энергию, а значит, она также есть энергия, потому что превращается в энергию может не вещество, а лишь энергия же.

Английский физик Джоуль тщательными опытами доказал, что при полном превращении механической работы в теплоту из каждых 427 килограмметров работы получается одна большая калория. При полном превращении теплоты в работу одна большая калория тепла даст 427 килограмметров работы (эта величина называется механическим эквивалентом тепла).

Положение о том, что энергия может превращаться только в энергию же, является одним из основных следствий закона сохранения и превращения энергии. Открытие этого закона открыло механическому эквиваленту тепла нанесли окончательный удар теории «теплоторы» и обеспечили торжество механической теории тепла.

Итак, на вопрос, что такое теплота, физика дала в середине XIX века следующий ответ: теплота есть движение молекул.

Но не всякое движение молекул является теплотой. При трении двух тел друг о друга ступиное движение молекул, связанное с перемещением этих тел, превращается в хаотическое движение молекул в разных направлениях, т. е. в теплоту. При работе парового двигателя происходит обратное явление: ступиное движение молекул превращается в правильное движение поршня двигателя — теплота превращается в механическую энергию. С точки зрения механической теории тепла, нагреть тело — значит ускорить движение его молекул. Нет особой материи тепла или холода («теплорода»), а есть лишь энергия более или менее быстрого перемещения молекул.

Энгельс замечает в «Диалектике природы»: «Открытие, что теплота представляет собой молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но если и не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собой известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать» («Диалектика природы», стр. 80). Как мы видим, Энгельс не считал возможным ограничиться утверждением, что теплота есть численное перемещение молекул. Это замечание Энгельса основано на учении диалектического материализма о формах движения материи.

Согласно диалектическому материализму, нет материи без движения и нет движения без материи. Движение есть основной атрибут (свойство) материи. Но диалектический материализм понимает под движением не только перемещение в пространстве, изучаемое в механике, но

1 Большая калория — единица измерения теплоты. Она обозначает то количество теплоты, которое необходимо для того, чтобы нагреть 1 килограмм воды на 1 градус Цельсия.

и любое изменение материи: явления тепловые, электрические, световые, биологические. Соответственно этому диалектический материализм различает разные формы движения материи: механическую, тепловую, электрическую, световую, биологическую и т. д. Все эти формы движения связаны с механической формой движения; так например электрические явления невозможны без механической перемещения электронов. Но нельзя свести все формы движения целиком к механической. Каждая из форм движения материи представляет собой нечто особое, специфическое, и законы механики и электродинамики не сводятся к законам механики, а являются чем-то своеобразным, характерным именно для данной формы движения.

Именно это имел в виду Энгельс, говоря о том, что теплота не только движение, но и нечто большее этой формы, связана с механическим движением молекул, но не есть это движение, не сводится целиком к нему.

Современная физика полностью подтверждает эти указания Энгельса. Простое движение одной молекулы в пространстве есть механическое движение, но не теплота. Теплота появляется только тогда, когда большое количество молекул движется хаотически в разные стороны. Если бы все тепловые движения в одном направлении и с одинаковой скоростью, то это было бы не тепловым явлением, а простым механическим перемещением тела. Механическое движение может происходить в любом направлении, а тепловое — только в строго определенном: теплота может переходить только от более теплого тела к более холодному. На этом примере видно, в чем отличие теплоты от механических процессов. Тепловые явления необратимы, а механические — обратимы. Перемещившееся тело можно вернуть в исходное положение, но явление, например, согревание воздуха в одну ступень чайника повторное его тепло.

Итак, теплота связана с механическим движением молекул, но она представляет собой особую форму движения материи. Она обладает специфическими, только ей присущими закономерностями, которые нельзя вывести целиком из законов механики.

В IV главе «Краткого курса истории ВКП(б)» говорится: «...марксистский философский материализм исходит из того, что мир и наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики». Историю развития теории теплоты подтверждает это положение. В результате многовекового изучения тепловых явлений физика пришла к правильному пониманию того, что такое теплота.

Было время, когда физики ошибочно считали, будто существует особое вещество, которое — «теплород». Но это не значит, что учение о «теплороде» было совершенно ложным. Это учение верно отражало некоторые свойства тепловых явлений. Например теплота может переходить от одного тела к другому в определенных количествах. Эти количества можно рассчитать так же, как рассчитывают количество воды, переливаемой из одного сосуда в другой. Пользуясь таким методом расчета, физик XVIII века Рамфорд вывел правильную формулу для средней температуры смеси двух количеств воды, обладающих различными температурами.

Наука истинна относительно. Это значит, что наука на ранних этапах развития ее лучше познает природу, все лучше отражает в своих законах и положениях объективный мир. По мере развития науки мы через относительную правду, неполные истины все ближе подходим к абсолютной истине — природе, «из суммирования относительных истин в их развитии», — говорит Ленин, — складывается абсолютная истина... относительные истины представляют из себя относительные верные отражения независимого относительно-верного объекта, эти отражения становятся все более верными... в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины...» (В. И. Ленин. Соч. Т. XIII, стр. 253).

Политические ДЕЯТЕЛИ

ОСНОВЕНИЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

75 лет тому назад, 28 сентября 1864 года, было основано «Международное товарищество рабочих» — I Интернационал. Пролетарская организация была давно оозанна передовыми деятелями рабочего движения крупнейших европейских стран. Идея революции 1848 года по всей Европе воздарила жестокая реакция. Правительства помогали друг другу подавлять революционные всплески, и разрозненные рабочие организации были бессильны противопоставить. Промышленный подъем шестидесяти годов не только не улучшил положения рабочих, но, наоборот, усилил их нужду и страдания.

Инициатором создания международной пролетарской организации были рабочие Англии и Франции. 22 июля 1863 года в Лондоне состоялся международный митинг в защиту полков, востанчив против русского самодержавия. На митинге выступила французская рабочая делегация. После митинга лондонский совет трудящихся (профсоюзная) избрал комитет для составления устава I Интернационала рабочих. 28 сентября 1864 года в Лондоне в Сент-Мартин-Холле, собрался митинг, чтобы заслушать отчет французских рабочих на это воззвание. Представителем германского делегатариата на этом митинге был Карл Маркс. Участники митинга приняли решение — избрать комитет для руководства деятельностью рабочих организаций различных стран. Последствием этого комитет был на-

зван Генеральным советом. На заседании Генерального совета 11 октября 1864 года было постановлено назвать новую организацию «Международное товарищество рабочих».

Идеями вождями I Интернационала были Маркс и Энгельс. Маркс писал в «Учредительный манифест» и «Временный устав Товарищества, в которых были провозглашены основные цели классовой борьбы международного пролетариата: завоевание политической власти и уничтожение всякого классового господства. До самого конца существования Интернационала Маркс вел неустанную борьбу с людьми, старавшимися отвлечь международный пролетариат от этих коренных целей: всевозможными сектантами и изобретателями социалистических систем, сторонниками «мирного» преобразования буржуазного общества, анархистами во главе с Бакуниным, отрицавшими необходимость завоевания политической власти пролетариатом.

Первый Интернационал просуществовал до 1872 года. II Интернационал, возникший в 1889 году, скатился к оппортунизму и пренебрежению интересам рабочего класса. Истинный наследник I Интернационала — Коммунистический Интернационал, созданный под руководством Ленина в 1919 году, продолжил мировую пролетарскую борьбу. И Ленин и Сталин возродили революционное учение Маркса и Энгельса, искаженное руководителями II Интернационала, и рыскали его применительно к эпохе империализма и пролетарских революций.

Коммунистический Интернационал, руководимый неколебимым пролетарским революционером тов. Димитровым, борется за интернациональную пролетарскую солидарность против реакции, против познания второй империалистической войны. Следуя великим заветам Маркса и Ленина, Коммунистический Интернационал ставит своей конечной целью завоевание власти буржуазии и установление бесклассового общества во всем мире.

А. Н. РАДИЦЕВ

(190 лет со дня рождения)

В мае 1790 года в кишиневской лавке купца Зотова в Петербурге появилась в продаже книга «Путешествие из Петербурга в Москву». Автором книги был таможенный чиновник Александр Николаевич Радищев (небольшие количества экземпляров, выпущенных в продажу, было раскуплено очень быстро).

«Путешествие» вызвало возмущение в правительственных кругах. Книгу прочла императрица Екатерина II, которая испугалась подлинным замечаниям в отношении гражданского, а предельно произвольные брани сумасшедших, «клянутся к возмущению крестьян против помещиков, войд против начальства», «сочинять не любит и почтение, тут жадно прилепляется с редкою смелостью». Через месяц после выхода «Путешествия» Радищев и кишинеголец Зотов были арестованы.

Екатерина II правильно разгадала истинный смысл книги Радищев: написанная в форме грустных записок, книга по содержанию была протестным обвинением самодержавия в преступности.

Обличение различных пороков и несправедливости общественного строя не было чем-то новым для русской литературы того времени. Фовингизм в своих пьесах и многоочисленные сатирические журналы бичевали самодурство велижком, взыточничество и произвол чиновников, бесчеловечность помещиков и дворян в отношении народа. Но обращение помещиков к Радищеву делало это обличение до их логического конца: не может быть «хорошо» царей в «добрых» помещиков, «хорошо», чтобы преследовать народные страдания и над злоупотреблять самодержавием и крепостничеством — таков был основной вывод его книги.

В то время как Радищев писал свою книгу и печтал ее в собственной домашней типографии, во Франции происходила революция.

Перевозные люди России встретили французскую революцию с надеждой. Дворянство и царское правительство со страхом революционности следовало за развитием революционных событий во Франции. На Радищев — распространителя «дела французского» и «дел французского злоблуждения» — обрушилась суровая кара: он был приговорен к смертной казни, и только благодаря к случаю мира со Швейцарией казнь была заменена ссылкой в Сибирь. Радищев был возвращен из ссылки при императоре Павле I, а вскоре после провозглашения Александром I боясь новых революционных событий, он покинул в 23 сентября 1802 года. Незадолго перед смертью он писал: «Потомство за меня отомстит».

Александр Радищев был одним из первых в России борцов за свободу.

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гугель

Композиции наших читателей

Задача № 121
Г. Либерзон
(Москва)

Белые, начиная, дают мат в два хода

Задача № 122
В. Л. Тихонов
(Иркутск)

Задача № 125
А. И. Митулкин
(ст. Лиска,
Ю.-В. ж. д.)

Белые, начиная,
дают мат в
два хода.

Задача № 123
Л. Судakov
(Ерфенов)

Задача № 126
А. Я. Халамзев
(Москва)

Белые, начиная,
дают мат в
три хода.

Задача № 124
Н. В. Пирогов
(Москва)

Белые, начиная,
дают мат в
два хода.

Интересные комбинации

С исключительным упорством развивалась борьба за первенство в XI всеюнионном шахматном чемпионате (апрель — май 1939 года). Восемнадцать сильнейших мастеров СССР боролись в этом выдающемся состязании высший класс игры, огромную роль в победе. В партиях турнира много интересных и instructивных, глубоких стратегических идей, красивых комбинаций. Тысячи советских шахматистов изучают сейчас партии чемпионата, помнящая тем самым славу своей игры.

Приводим несколько позиций из партии чемпиона СССР, В. Пауля Дубинина — Берлинский после 27-го хода горьковского мастера создавалась следующая позиция.

Ботаниник неожиданно сыграл 27... К6:d4 и на 28. Ф4:c7 форсировал блестящий мат двумя конами: 28... Кf4=3+29. Кр1=

f1 Кe4=d2 мат. Если бы белый король отступил на h1, то последовал бы мат Ke4-f2!

Эффектно пожертвовал ферзя гротмейстер Левинский в партии последнего тура с молдаванским мастером Чистяковым. После 25-го хода черных в этой партии создалась редкая острая и сложная позиция.

Кажется, что белые не могут защитить без потерь пункт f2, однако Левинский неожиданно сыграл 26... Кd5:b6! Если теперь 26... Фa2, то 27. Кf7+Кr8 28. Cd5+ и черные остаются без качества.

Чистяков сыграл иначе: 26... Фf7:f2+ 27. Кf7-h1 e7:b5, но после 28. Le5-e4 ни крупных материальных потерь подал под сильную атаку. Еще последовало: 28... Фf2=c2 29. Le4-f4+

Kg4-f6 30. Лd1-e1 Сa6-b5 31. Фa2-e6 Ch5-e6 32. Cg2:e6 Фc2:c6+ 33. Фe6:c6 b7:c4 34. Le1-e6 Лa8-e8 35. Лf4-c4 Лc8-h8 36. Le4-c2 Лd8-d1+ 37. Крh1-g2 Kf6-d5 38. Лc2-f2+ и черные сдались.

Эффектный удар завершил протеканию в напряженной борьбе встречу Рагозин — Юдович. В по-

XXV конкурс «Смены»

Редакция «Смены» объявляет конкурс решений зала-шутков. Срок приема ответов — 25 октября 1939 г. Пятизвездчат читатель, приславший наиболее полные решения, будет премирован.

И. Юсов

«Вавилонское столпотворение» именуют эту задачу в шахматной литературе. Это, в сущности, не одна, а целых восемь задач, трехходовок. Каждая вертикаль представляет собой самостоятельную задачу, решающуюся независимо от других.

Л. Петров

В этой задаче, составленной известным русским шахматистом прошлого столетия, белые должны дать мат в четыре хода, причем мат должен быть объявлен коном.

В. Пауля

зии, изображенной на диаграмме, белые сыграли 42... Сf7-h5+! Если бы Рагозин принял жертву слона, то последовало бы 43. Krg4:h5 Krf6:f5 с двойной угрозой мата на f5 и f4. Единственным ходом оказался бы шах 44. Le8-f8 Kd5-f8+ 45. Лf8:f6 Krf5:f6. Пешечный выдвигался программ для белых, так как на 46. e2-e4 решался c5-c4 47. Krf5-g4 Krf6-e5 48. Krg4-g5 b6-b5! 49. a4:b5 a5-a4 и черные прогорают в ферзи, жертву пешку e2, то время как пешка b5 задерживается черным королем.

Рагозин не снял слона и отступил королем на g3. Черные взяли пешку f5 и легко выиграли, переведа короля на d4 и надвигая пешку ферзевого фланга, что привело к образованию проходной пешки e2, стоившей белой дады.

М. Юдович,

мастер СССР по шахматам

Читатели «Смены» — мастер Верлинский

В партии, играемой по переписке между читателями нашего журнала и мастером СССР по шахматам В. М. Верлинским, сделаны такие ходы:

1. e2-e4 e7-e5 2. Kр1-f3 Kf8-e6 3. С11-c4 Cf8-c5 4. e3:e4 c3:d4 Cc5-b4 5. Fc1-d2 Kf6:e4 8. Cd2-b4 Kc6:b4 9. Cc4:f7+ Kрe7:f7 10. Фd1-g3+ d7-e5 11. Kf3-e5+ Kрf7-e8 12. Фb3-b4 Фd8-g5 13. Фd4-b3 Cc8-e6 14. 0-0 Лa8-f8 15. Ke5-f3 Фg5-h6.

Сейчас ход белых (читатель). Как мы уже писали, игра ведется следующим образом: читатель сообщает в редакцию ход, который, по их мнению, следует сделать в редакции, отбирая предложение, сообщает В. М. Верлинскому сделанным большинством ход и рассылает участникам игры отведенный ход мастера.

Читатели, желающие участвовать в игре, должны сообщить в редакцию свои адреса.

Решения («Смена» № 8)

Задача № 118 Л. Файнзукского. 1. Кd1-b3!

Задача № 119. А. Малышева. 1. Le6-h6 e7-e5. 2. h2-h3! e5-e4 3. Cf3-g4x.

Если 1... e7-e6, то 2. h2-

h4! e6-e5 3. Kf7-d6 X.

Задача № 120 Л. Загоруйко. 1. Cc2-b1! a4-a3 2. La6-g6! Kрa1-b1 3. Лe6-b6+ Kрh1-a1 4. Le5-c3 b2-b1f+ 3. Лc3-c1 X!

Оформление Л. Шумана.

Ответ. редактор М. Л. Гольдберг.

Ответ. секретарь редакции М. Г. Осипов.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-34-24.

Славно в набор 25/VII 1939 г. Подписано к печати 17/IX 1939 г. Изд. № 917.

Формат 72x110 см. 4 печ. л. 98 000 экз. в печ. л. Зах. 2528 Тираж 45 000.

Типография издательства «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

